

сказанія
о
мартах

СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

ИЗ ЭПОСА ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

Перевод и вступительная статья
ВАЛЕНТИНЫ ДЫННИК

Предисловие
К. КУЛОВА

ГОИЗ
Государственное издательство
Художественной
Литературы
Москва
1944

Поэтическая обработка осетинских текстов и подстрочные переводы выполнены научными сотрудниками Научно-исследовательского института Северо-Осетинской АССР *И. Джанаевым, Т. Епхиевым, Д. Мамсуровым, С. Бритаевым, Х. Ардаеновым, А. Гулуевы и.*

Художник *Д. Даран*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди богатой устной поэзии осетинского народа центральное место занимают нартские сказания.

Нартский эпос, герои которого воплощают в себе мужество, бесстрашие, народную мудрость, беспредельную любовь к родине, является одним из величайших эпических произведений мира. Этот эпос, сложившийся в глубокой древности, видимо, задолго до нашей эры, и поныне широко распространен среди осетинского народа. Мотивами народного творчества вдохновлялся великий осетинский народный поэт Коста Хетагуров.

Чудесные песни звучали в горных ущельях и широких долинах, в бедных саклях и на шумных нихасах, призывая народ к борьбе с насилием, воспевая подвиги героев, поддерживая лучшие стремления и веру в грядущую светлую жизнь.

В любом селе, в любом ауле можно было встретить певца, услышать от него песню о нартах. Народные певцы Курм¹ Бибо Дзуготов, Дзарах Саулаев и многие другие исполняли на память десятки и сотни песен и сказаний из героического нартского эпоса.

Нартский эпос, несомненно, зародился в условиях родового общества. Основные сказания его рисуют черты весьма древних общественных отношений, свойственных раннему патриархату с яркими пережитками матриархата и даже первобытному коммунизму.

Однако эпос, создававшийся в течение нескольких тысячелетий, не мог не отразить тех или иных черт последующих общественно-экономических формаций.

Нартский эпос дошел до нас в виде отдельных сказаний. Эти сказания группируются вокруг нескольких героев, связанных между собой родственными отношениями и представляющих родовые группы, получившие общее наименование нартов. Это дает возможность свести сказания к семи центральным циклам: Уархаг и его сыновья, Уруз-

¹ Курм — слепой, слепец.

маг и Сатана, Сослан, Сырдов, Хамыц и Батрадз, Ацамаз, гибель нартов. Однако существует еще значительное количество малых циклов с самостоятельными героями.

В это издание включены лишь некоторые сказания о нартах, однако и они дают ясное представление о характере всего эпоса.

Осетинский эпос раскрывает перед нами очень своеобразную мифологию, в которой древние представления о мироздании перемешиваются с позднейшими, вызывая многочисленные аналогии и сравнения. Здесь Сослан совершает путешествие в царство мертвых, напоминая античного Орфея. Небесный кузнец Курдалагон — вспомним Гефеста — закаляет в своем горне тело нарта Батрадза. Нарты ведут непримиримую борьбу с одноглазыми великанами — уаигами-циклопами. Элементы фантастики в эпосе весьма сильны, хотя при всем этом повествования отличаются художественной правдивостью.

Основным героем нартского эпоса является народ. Здесь не только воспеваются подвиги отдельных героев, но показывается жизнь народа во всем ее многообразии.

Герои-нарты — выходцы из народа — никогда не порывают связи с ним. Героическая деятельность их направлена на благо родины и народа; каждый стремится прославить свой народ; ни у кого из нартов нет и тени стремления стать над народом, подчинить его себе. Они храбро борются с грубыми силами природы, с врагам-насильниками, с небожителями, богами, предпочитая смерть порабощению. Ни перед кем они не склоняют головы, даже перед богом. Нарты говорят: „Двери своих жилищ мы устраиваем высокие, иначе, переступая порог, пришлось бы наклонять голову, и бог подумал бы, что это мы ему кланяемся“.

Герои оптимистичного в своей основе осетинского народного эпоса наделены всепобеждающей силой, хотя при всем том они остаются смертными. Бессмертна лишь мать народа, мудрая Сатана.

Когда бог предложил нартам выбор: вечную жизнь без славы или гибель со славой, а по другим вариантам — дурное потомство или отсутствие потомства, они без колебаний предпочли гибель со славой вечному прозябанию, отсутствие потомства — дурному потомству.

Нарты свободолюбивы, жизнерадостны. Жизнь они высоко ценят, но всегда готовы бесстрашно умереть. После жаркой битвы они предаются веселью и забавам, соревнуются в стрельбе из лука и в метании камней. Сочетание беспредельной храбрости в бою с любовью нартов к искусству — музыке, песням и танцам — составляет одну из отличительных особенностей нартского эпоса.

Таковы основные идеи эпоса.

Осетинское народное творчество, зовущее к борьбе и победе, приобретает особую ценность теперь, в грозные дни войны советских народов за свое отечество, за свою честь и независимость.

Фашистские людоеды стремятся повернуть колесо истории вспять, свергнуть советские народы в рабство.

Осетинский народ, познавший счастье новой жизни, вместе со всеми народами СССР самоотверженно борется за свое счастье, за свою честь и свободу. И верные сыны осетинского народа показывают чудеса храбрости и героизма в борьбе с германским империализмом. Советский богатырь Хадзимирза Мильдзихов из селения Эльхотово в одном бою уничтожил из автомата 108 фашистов, сбил немецкий самолет, истребил прислугу артиллерийского орудия. Х. Мильдзихову присвоено звание Героя Советского Союза. За доблесть и отвагу в борьбе с врагами социалистической родины получили звание Героя Советского Союза Казбек Карсанов, Алексей Остаев и многие другие осетины. Осетинский народ дал родной Красной Армии таких полководцев, как генералы Плиев, Цаликов, Мамсуров, Хетагуров и др. Сотни героических бойцов-осетин награждены орденами и медалями Советского Союза.

Эти отважные сыны осетинского народа воспитаны партией Ленина—Сталина в духе любви к родине, они учились героизму и отваге у народных героев осетинского эпоса Урузмага, Баградза, Сослана.

Собрание нартского эпоса началось еще в начале второй половины XIX века. Но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция создала все условия для пышного расцвета культуры в Стране Советов. Только при советской власти стало возможным всестороннее изучение эпического наследия осетинского народа.

Особое развитие эта работа получила в начале 1941 года, когда в Северо-Осетинской АССР была наново проведена запись текстов, систематизация сказаний о нартах и подготовка их к изданию. Специальные экспедиции выезжали в районы республики, собирали сказания, ранее появлявшиеся в печати, существовавшие в рукописях; тщательно собирался также музыкальный и песенный фольклор, связанный с нартским эпосом. Эта работа продолжалась и в военное время.

Подготовлено к изданию полное академическое собрание всех „Сказаний о нартах“ со всеми вариантами как на осетинском, так и на русском языках.

По свидетельству виднейших ученых, нартские сказания представляют собою весьма значительный научный материал. Таким образом, издание этого эпоса явится большим культурным событием.

Величественный осетинский нартский эпос становится достоянием всех советских народов. Нартские сказания включаются в сокровищницу эпического творчества советских народов. Они займут по праву видное место в ряду таких замечательных произведений народного эпоса, как русские былины, армянские сказания о Давиде Сасунском, киргизские поэмы о Манасе, узбекские песни об Алпамыше.

К. Кулов.

НАРТСКИЙ ЭПОС И ЗАВЕТЫ БОГАТЫРСТВА

По всему Северному Кавказу, в особенности же среди осетин, широко распространены сказания о богатырях-нартах. Осетинские народные певцы повествуют в сопровождении самодельной скрипки-фандыра о подвигах мудрого старца Урузмага и булатногрудого юноши Батрдза, о высоком разуме рачительной хозяйки Сатаны, хранительницы домашнего очага и верной советчицы нартов, о всепобеждающем искусстве молодого свирельщика Адамаза, о красоте и прелести гордой Агунды, о Сырдоне, Созырыко и других нартах.

Сказания эти уводят наше воображение в глубокую, суровую древность, воскрешают в легендарных образах героическую борьбу народа с врагами-насилъниками, показывают непрерывные столкновения нартов с одноглазыми великанами-уаигами и коварными духами-кадзиями. Трудно установить, когда именно сложились эти сказания, так как они, в противоположность, например, русским былинам, почти лишены упоминаний о каких-либо исторических событиях или лицах, а первобытная символика этих сказаний, очень родственная по своей художественной природе символической ирландских саг, пока не поддается исторической расшифровке. То, что нартская жизнь протекает, по сказаниям, в условиях патриархата, то, что нередко в нартских сказаниях встречаются и явные пережитки еще более ранней стадии — матриархата (особенно в сюжетах, связанных с мудрой матерью нартов — Сатаной), не разрешает вопроса об историческом приурочении нартского эпоса: известно, что многие существенные черты родового строя до недавнего времени сохранялись и в быту, и в сознании осетинского народа.

Однако, во всяком случае, созданы ли нартские сказания до нашей эры, как предполагают некоторые исследователи, или же они возникли уже в начале нашей эры, как утверждают другие ученые, — перед нами образец древнего народного творчества, еще полного неуемной сказочной фантастики, еще во многом не оторвавшегося от мифа.

Не разрешен до конца и вопрос о том, каким народом создано

хотя бы самое ядро нартекского эпоса. Каждый из кавказских народов, хранящий в своей памяти сказания о нартских подвигах, выступает не только в качестве хранителя песенной традиции, но и в качестве творческого воссоздателя ее, вносящего все новые и новые черты и оттенки в художественный узор, и эти новые черты и оттенки придают эпосу особый, у каждого народа иной, национальный характер, подсказывают кабардинцам мысль о том, что нартский эпос — в основе своей кабардинский эпос, внушают осетинам уверенность, что нарты — предки осетин. Ученые нашей страны, во главе с русским академиком Всея. Фед. Миллером, считали и, в лице осетинского исследователя нартов В. И. Абаева, продолжают считать, что создателями нартских сказаний были древние аяны, связанные, как предполагают, исторической и этнической связью с нынешними осетинами. Историческое первенство в области нартских сказаний принадлежит, видимо, осетинам. Но им, уже с большей несомненностью, принадлежит и другое первенство — первенство художественной ценности. Ни один из кавказских народов не сохранил песен о нартах в таком полном и поэтически завершенном виде, как сохранили их осетины. В то время как другие кавказские народы хранят песни о нартах в виде драгоценных обломков, прекрасных руин, лишь намекающих на былую красоту разрушенного временем здания, — у осетин это здание, пускай кое-где тоже подвергшееся разрушению, хранит всю стройность и законченность первоначального плана.

В конце прошлого века Всея. Фед. Миллер предпринял свои исследования осетинских народных повествований, — он спешил занести в свои записи эти, как ему казалось, последние остатки уходящей, отмирающей старины. Его труд положил основание исследованию осетинского народного творчества, но именно оно, это исследование, показало и продолжает показывать, что нартский эпос не отмирает в осетинском народе, а продолжает жить полной и разнообразной жизнью.

Сказания о нартах не могут не привлекать и исследователя, и художника одной из главных своих особенностей — своеобразным соединением глубокой первобытности и свежей, временами почти злободневной жизненности. Те, кто интересовался осетинским эпосом, не могли не заметить, что при исполнении отрывков нартских песен, при беглой ссылке во время беседы на один из нартских подвигов или даже при простом упоминании одного из нартских имен лица осетин, — о чем несколько замкнутые, лишенные восточной экспансивности, свойственной другим кавказским народам, — вдруг озаряются серебристым сверканьем раострой и дивной улыбки. До сих пор в Осетии слышны в доме с Урзямгом, а хозяйки — с аяной воспринимается как лучшая дань уважения в устах гостя. И то, что обращение к нартским именам у осетин не словесная прикраса, не упоминание всуе, с особой убедительностью подтвердилось в испытаниях великой отечественной войны:

рассказывают, что и там, на фронте, славные имена отважных нартов не раз возникают на осетинских устах.

Вопрос о степени сохранности народного творчества не следует сводить к одному только количеству народных певцов и их скавительскому репертуару. Народному творчеству тоже свойственен некоторого рода профессионализм, то есть наличие особо одаренных хранителей и продолжателей художественной традиции,—однако, народная песня, народное сказание по-настоящему живут только в творческом общении певцов-сказителей и их аудитории, то есть всего народа. До тех пор, пока это творческое общение возможно, до тех пор, пока герои сказаний существуют не только в исполняемых текстах, но в художественной памяти народа, мы не имеем права говорить о вымирании старинных песен. Так именно и обстоит дело с осетинским богатырским эпосом.

Крупнейший осетинский поэт Коста Хетагуров некогда с большой любовью и восторженным уважением воссоздал в своем стихотворении „Кубады“ образ народного певца, одного из тех певцов, которые не раз вдохновляли и самого поэта. Таких полноценных мастеров устного творчества, обладающих огромной поэтической памятью и мощным творческим даром, действительно стало меньше в Осетии уже к исходу XIX века,—в этом отношении академик В. Ф. Миллер был совершенно прав. Но образы нартов живут и вне отдельных сказаний, они с полной силой продолжают жить в сознании народа, они как бы сохраняют в этом сознании самостоятельное существование,—а значит, и жизнь нартского эпоса еще далеко не кончена. Пока народу нужен его эпос, он, этот эпос, сохраняет всю свою жизненную силу. Вот почему не реставраторство, близкое сердцу лишь некоторых любителей, а подлинную творческую помощь устно-поэтическому искусству следует видеть в мероприятиях Совнаркома Северо-Осетинской АССР и Республиканского нартского комитета, мероприятиях по выявлению лучших сказителей, записи и популяризации их песен и сказаний. Эта работа, осуществлявшаяся еще перед отечественной войной осетинскими и местными русскими учеными, писателями, музыкантами, продолжалась и в военное время. Она привела к превосходным результатам. Составленный к настоящему времени свод всех нартских песен и сказаний дает возможность с небывалой до сих пор полнотой и целью ознакомиться с нартским эпосом: экспедиции к лучшим сказителям Алагирского, Куртатинского, Дарганского, Санибанского, Кобанского и Дигорского ущелий, а также плоскостных районов республики и вызов сказителей на республиканское совещание в город Двауджикау (Владикавказ) подняли творческое и профессиональное самосознание народных художников слова, укрепили их связь с осетинским народом.

Война не только не помешала этому новому расцвету древних богатырских сказаний, но, наоборот, способствовала ему. В этом есть историческая и художественная закономерность: в дни великих испы-

таний особенно вырастает народное самосознание, чувство гордости и любви к своей земле, чувство преданности своему народу, чувство моральной ответственности перед лицом истории, — а в нартском эпосе заключена для осетина как бы целая моральная энциклопедия, целое руководство к достойной жизни и деятельности. Излюбленные герои нартских сказаний служат для осетина как бы мерилom физических и нравственных достоинств, недаром эпитет „нартский“ служит в Осетии выражением высшей похвалы.

С новой силой зазвучали для осетин в дни войны заветы богатырства, выработанные народом в течение веков и выраженные им в повествованиях о нартских подвигах.

И первый из этих заветов — любовь к своему народу, постоянная готовность прийти к нему на помощь, стать на его защиту. Основное призвание осетинских богатырей-нартов — борьба с врагами народа, с одноглазыми великанами-уеигами, с коварными подводными духами-кадзиями, с вражескими князьями-аддарами. Старый Урузмаг, рискуя жизнью, проникает в замок аддара Саденджиза, чтобы истребить исконного врага нартов в его „вороньем гнезде“. Другой славный нарт — юный Батрадз, — охраняя нартские стада, отважно побеждает одноглазого великана-насилльника, по прозвищу Пестрая Борода, нагло похищавшего нартских овец. Он же вступает в бой и с другим насильником, Тыхы-Фыртом, в качестве дани угнавшим к себе девушек и женщин нартского селения. Если нартские мужи помогают своему народу прежде всего как воины на поле боя, то мудрейшая из жён Сатана всегда готова помочь ему разумным советом: так, когда Урузмаг, перехитрив вражеского князя, заточившего его в башню, передает нартам через княжеских гонцов иносказательный призыв напасть на замок врага, смысл иносказания раскрывает нартам догадливая Сатана. Она же как заботливая хозяйка с материнской предусмотрительностью накапливает запасы пищи, чтобы в нужное время оказать помощь нартам и спасти их от голодной смерти.

Второй завет богатырства, проходящий через весь нартский эпос, — деятельная помощь своим боевым друзьям, своим соратникам. Когда главнейшие нарты попадают в ловушку к великану Афсарону, Батрадз, догадавшись о постигшей их беде, тотчас бросается им на помощь и уничтожает великана-одноглаза со всем его отродьем. Когда хызовский аддар похищает жену Сослана, за оскорбленного нарта вступается весь нартский народ.

Повествование о нартских подвигах воспринимается в Осетии не только как предание баснословной старины, но как пример, поучение нынешним людям. Это подтверждается острой эмоциональной заинтересованностью, с которой певец исполняет свои песни, а народ их слушает. Эпическое повествование обычно прерывается возгласами певца — прямым обращением к аудитории; говоря о внезапном падении нартского героя на недруга, сказитель как бы в скобках восклицает: „И вашим недругам — такой бы участи!“; вспоминая о том,

как Батрадз, при встрече с обидчиком нартов нагледом Алафом, раздробил ему руку мощным пожатием, — народный певец выражает пожелание: „Все́м вашим недругам — тако́го пожатья!“

Третий завет нартского богатырства — воинская доблесть. Народный защитник силен, вынослив, отважен, находчив и изворотлив в борьбе с врагами. Нартские богатыри в буквальном смысле слова закаляют себя для предстоящих им подвигов: булатногрудый Батрадз проходит всяческие испытания для того, чтобы закалить свое тело в горниле небесного кузнеца Курдалагона. Если для одоления врагов мало одной телесной силы, нарты достигают победы своей изобретательностью, и когда, например, им не удается взять приступом вражескую крепость, Батрадз велит привязать себя к огромной стреле и с этой стрелой проникает за крепостные стены. Великолепная песнь, одна из лучших в нартском эпосе, „Последний поход Урузмага“, вся направлена к прославлению воинского разума: именно благодаря своему высокому воинскому разуму и военной хитрости оскудевший силою Урузмаг восстанавливает свою былую богатырскую славу.

Четвертый завет богатырства, заключенный в нартском эпосе, — забота о своей воинской чести, о своем достоинстве. Высокого пафоса полно сказание о том, как нарты, которым бог предложил на выбор вечную жизнь или вечную славу, выбрали вечную славу и согласились умереть ради сохранения своей нартской чести.

Нартский эпос весь проникнут пленительной человечностью. Даже действующие в сказаниях небожители Никола, Уасгерги, Елиа (оязыченные Николай чудотворец, Георгий Победоносец и Илья пророк), всевозможные зэды и дуаги действуют нередко заодно с нартами, вникают в их человеческие нужды и желания, выступают, например, в качестве сватов нарта Адамаза при его женитьбе на прекрасной Агунде, принимают участие в нартских пирах.

Немногими, но меткими чертами обрисованы в нартских сказаниях человеческие характеры, — одного нарта не спутаешь с другим; в художественном сознании осетинского народа необычайную четкость и своеобразие сохраняют нартские герои: выносливый и предусмотрительный, склонный к раздумью старый Урузмаг, горячий и прямодушный Батрадз, изворотливый и озорной Сырдон, чувствительный и вспыльчивый свирельщик Адамаз, осторожный Хамыц, практичная, разумная Сатана, капризная, умеющая властвовать, но умеющая и любить красавица Агунда. Четкость нартских образов подтверждается, между прочим, и тем, что в осетинских сказаниях очень редко наблюдается смешение сюжетов, приписывание одних и тех же подвигов разным героям. (Вот, к слову сказать, еще одно доказательство не иссякающей жизнненности нартского эпоса, ибо одним из первых признаков вымирания эпоса служит во всем мировом фольклоре отрыв сюжета от первоначально связанного с ним образа.)

Разнообразны характеры нартов, разнообразна и их жизнь, которая не сводится к одним только воинским подвигам. Нарты и борьбу свою

с врагами ведут ради того, чтобы защитить свое право на светлое и мирное существование, в котором гармонически звучат голоса дружбы и любви, природы и творчества. Большое место в нартских песнях отводится прославлению искусства. В каком-то радостном самозабвении пляшут нарты свою излюбленную пляску-симд, от которой содрогается земля. Юноша Адамаз, чудесный свирельщик, умеет, одной силой своего искусства, подобно греческому Орфею, повелевать природой, пробуждать от зимнего сна к весенней радости леса, луга и зверей. Глубоким уважением к искусству проникнуто и нартское предание о том, как создана была первая скрипка-фандыр: когда погибают дети Сырдона, неутешный отец делает струны для фандыра из жил убитых юношей.

На протяжении многих веков нартский эпос, естественно, впитывал в себя особенности осетинского быта, они не раз уютно смягчают первобытную суровость повествования, и это еще больше убеждает осетин в их кровной связи с нартами. Даже так называемые „международные“, „бродячие“ сюжеты и образы (например, в рассказе о побеге Урузмага из пещеры одноглазого уаига, очень близком к гомеровскому эпизоду в пещере Полифема; в песне о женитьбе Адамаза, в предании о двух братьях-близнецах Хсарте и Хсартаге, даже созвучием своих имен, напоминающих близнецов римской легенды о Ромуле и Реме), каково бы ни было их происхождение, неразрывно связаны всей своей бытовой и психологической обрисовкой с осетинским народом.

До сих пор осетинские сказания о нартах были почти совсем неизвестны русскому читателю. Лишь некоторые из этих сказаний можно найти в специальных фольклористических и лингвистических работах. Поэтический перевод нартских песен — дело новое и трудное, тем более, что только за последнее время осетинские ученые и поэты стали по-настоящему изучать их поэтику. Работы этих ученых и поэтов — ценное подспорье для переводчика, но все же и сейчас при воссоздании осетинских народных повм на русском языке мне приходилось во многом руководствоваться общими представлениями о природе народного творчества.

Выполняя эту работу, я стремилась сочетать внимание к осетинской национальной форме с уважением к русскому языку. Это предостерегало меня от неумеренного расцвечивания русского текста осетинскими словами. К осетинским словам я прибегаю только в тех случаях, когда без них, не обращаясь к описаниям, нельзя точно выразить те или иные понятия (например: симд, фандыр, фарн, ронг, уаиг и т. п.). — в иных случаях введение осетинской лексики я рассматриваю как погоню за дешевой экзотикой.

Впечатление величавой суровости, как бы некоторой первобытной простоты нартских песен нельзя передавать средствами современного городского языка, вместе с тем мне не хотелось прибегать к искусственной архаизации текста, звучащей нарочито и создающей впечат-

ление книжности. Я стала искать иных ресурсов в современном народном русском языке, упорно стремясь, однако, избежать руссизмов, которые могли бы подогнать стиль подлинника под стиль русского фольклора. Обращение к русской народной речи помогло мне и в передаче свойственных осетинам прихотливых переходов от спокойного эпического повествования к лукавой шутке, — русская и осетинская народная поэтика в этом отношении друг другу родственны.

При переводе осетинских песен я не считала возможным обращаться к русскому литературному стиху, а старалась средствами русского языка, по моему убеждению почти беспредельно гибкого в воспроизведении самых разнообразных ритмов, передать основные особенности ритмики нартского эпоса: силлабические рамки, сводящие обычно стих к 11—12 слогам, обязательную цезуру в середине строки, наличие двух смысловых ударений в каждом полустииши, из коих одно ударение обязательно преобладает, обилие дактилических окончаний и очень малое количество мужских, полное отсутствие enjambements не только из строки в строку, но и из полустииши в полустииши. При отсутствии рифмы, имеющей громадную ритмообразующую силу, в осетинском песенном творчестве, на мой взгляд, приобретает особенную роль подбор звуков в строке, тоже действующий в качестве ритмическогокрепления. Эту особенность я тоже стремилась передать.

Все эти задачи были подчинены одной, главной: дать читателю ощутить своеобразие нартского эпоса и одновременно его родственную близость русскому народному сознанию, близость, создаваемую дорогими для всех братских народов СССР заветами богатырства.

Свою работу над нартским эпосом я посвящаю памяти академика Юрия Матвеевича Соколова, моего мужа и учителя, впервые приобщившего меня к художественному переводу песенного творчества Кавказа.

Валентина Дынник-Соколова

УРУЗМАГ И КРИВОЙ УАИГ

Урузмаг с Хамыцом пошли на охоту.
Только вышли они из селенья нартского,
На нихасе* нарты все вместе собрались.
Рассуждают нарты, меж собою спорят:
Кто наилучший среди нартских мужчин,
Среди женщин нартских — кто наилучшая?
Кричат безумолку, бестолку толкуют, —
Только понапрасну время теряют.
И решили тогда: — Спросим у Кармагон!
Кармагон — старая, она и рассудит.

Отправились нарты, приходят к Кармагон.
— Этот день для тебя добрым да пребудет!
— Да будет вам доля доброю долею! —
Попросили нарты Кармагон старую:
— На один лишь вопрос отвечай нам, Кармагон,
Справедливым словом реши сомнения!
— Нет, во имя бога, нартские спесивцы,
Оставьте в покое, ничего я не знаю, —

Отвечала нартам старая Кармагон.
— Мы не отстанем, пока не ответишь,
Пока нам не скажешь, кто — лучший из нартов,
Кто наилучший среди нартских мужчин,
Среди женщин нартских — кто наилучшая! —
Старая Кармагон всех до единого

Оком окинула, взглядом перебрала:
— Хороши вы, нарты, сильные и доблестны,
В подвигах доблести будьте удачливы!
Да гляжу я на вас, ищу понапрасну:
Посреди хороших наилучших не вижу!
— Да кто же, скажи нам, те наилучшие? —
Юноши нартские стали настаивать.
— Старый Урузмаг — среди мужчин наилучший,
Среди женщин лучшая — мудрая Сатана*, —
Так и ответила, — сами напросились!
Нартские спесивцы наземь повалили,
Под себя подмяли старую Кармагон,
Стали бить-колотить, себя не помнили!
Назавтра Урузмаг домой возвратился,
А Сатана ему на нартов жалуется:
— Тут вчера без тебя спесивцы нартские
Всю исколотили, избили Кармагон.
И гневный Урузмаг пошел разведать,
Разузнать поспешил у старой Кармагон:
— Что с тобой случилось? Только не утаивай! —
Та и не таила, сказала Урузмагу:
— Беды да пребудут долею спесивцев!
Одолели спесивцы меня расспросами:
„Кто наилучший среди нартских мужчин,
Среди женщин нартских кто наилучшая?“
Я и ответила, — сами напросились! —
„Старый Урузмаг — среди мужчин наилучший,
Среди женщин лучшая — мудрая Сатана!“
Тут меня спесивцы наземь повалили,
Под себя подмяли, стали бить-колотить. —
Разузнал Урузмаг, в свой дом возвратился.
Наутро проснулся, кличет глашатая.
— Ты иди, глашатай, возгласи по нартам:
„Собрался Урузмаг на Гору Черную, —
Там, на Черной Горе, он стадо высмотрел.
И кто среди нартов — мужчина настоящий,
Тех зовет Урузмаг с собой за добычею,

Дабы отговорок потом не услышать!
„Мы и не слышали, нас, мол, не звали,
Мы, мол, не знали, а то б отправились!“ —

Направились нарты на Гору Черную,
Впереди Урузмаг — за предводителя.

А Кармагон ночью тесто замесила,
Слепила из теста три медовых лепешки.
Испекла лепешки старая Кармагон.

Вскарабкалась тайно на вершину башни,
Свершила моление старая Кармагон:
— Боже, создатель мой, бог между богами!
Ты холодным снегам, обвалам ледовым
Повели завалить все тропы горные,
Чтоб нарты гордые сами узнали,
Из них в самом деле кто наилучший! —

Молвила Кармагон, — тут и снег повалил,
Выпал снег, да такой — страшно и выглянуть!
Еле-еле дошли нарты до пещеры,
Да еще неделю выжидать пришлось.
А прошла неделя, — солнце выглянуло.
Тут и выгнал уаиг* стадо на прогалины.
Подстерег Урузмаг овец уаиговых,
Говорит он нартам: — Скорей, мои младшие,
Кто в силах двигаться, ступайте на гору,
Выбирайте в стаде овцу годовалую,
За руно хватайте, сюда волоките, —
Чтобы нам хоть кой-как силы понабраться
И хоть кости свои дотащить до кладбища! —

Вот один привстает — и снова валится,
А за ним другие — не лучше первого.
Тут уж сам Урузмаг на гору поднялся,
Перенял овцу из стада уаига,
Да руки примерзли от такой стужи.
Будто впрямь приросли к ногам овечьим, —
Вот овца за собой его и тащит,
Так и дотащила к логову уаига.

Уаиг одноглазый сам стадо встречает, —

Стал, ноги расставил, при входе в пещеру,
Пропускает меж ног овцу за овцою,
Овце за овцою так он счет и ведет.
Идет последнею овца Урузмага.

Как увидел уаиг, что овца волокла,
Закликал ласково: — Сюда, дэука, дэука¹,
Добрую дичину на шашлык ты несешь! —

Поташил в пещеру уаиг Урузмага.

Насадил он его на вертел-самоверт,
Да проделся вертел меж одеждой и кожей.

А кривой уаиг велит самоверту:

— Сам вертись, самоверт, наживку зажаривай, —

Мне же неможется, что-то глаз болит!

Я пойду прилягу, сосну до ужина. —

Завертелся вертел, вертит Урузмага,

Да скоро одежда истлела в пламени,

Плашмя повалился в золу Урузмаг.

Тут схватил он вертел, к уаигу подкрался

Да и ткнул кривого каленым железом,

Выжег, выколочил глаз единственный.

Взвыл уаиг, возопил, а после грозитя:

— Ну, держись, берегись, горный человек, —

Утром из пещеры как-то ты выскочишь! —

Раскинул мыслями старый Урузмаг...

Был при стаде козел у кривого сторожем,

Нарт и режет его ночью втихомолку.

Он шкуру снимает — как бурдюк, всю в целости —

И всю ночь до утра ест он козлятину,

А с утра влезает в шкуру козлятиную,

Запускает руки в ноги передние,

А в задние ноги ногами вступает.

Выпускает уаиг стадо на пастбище,

Стал, ноги расставил при самом выходе,

Пропускает меж ног из пещеры стадо,

Сам щупает, ищет, нет ли Урузмага.

¹ Так кличут у осетин овец и коз.

Тот на четвереньках, — чем, скажи, не козел! —

Позади всех овец подходит к выходу

Да слегка уаига бодает рожками.

Тот „козла“ пропустил, еще напутствует:

— Дэука, дэука, смотри, будь добрым сторожем,

Сбереги мне стадо, приведи в целости,

Сам же я не пойду, глаз мой разболелся! —

А Урузмаг ему на скаку ответил

Из козлиной шкуры речью человеческой:

— Да хотя б у тебя и глаз не разболелся,

Не видеть вовеки тебе свое стадо! —

Разъярился уаиг, прынул из пещеры, —

Не расчел он прыжка и скатился с кручи,

О кремнистый кряж разбился вдребезги.

Тут вылез Урузмаг из козлиной шкуры,

Возвратился назад в уаигово логово,

Добро уаигово взвалил он на плечи,

А стадо овец погнал пред собою.

Пригоняет стадо к нартскому стойбищу, —

Ну и угощенье нарты устроили!

Остальных овец в селенье пригнали.

Половину овец Урузмаг отделяет,

Наделяет ими старую Кармагон:

— Без старой Кармагон не было б добычи! —

Из другой же доли все нарты кормились.

Все пиры справляли — весь год напролет!

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД УРУЗМАГА

Одряхлел Урузмаг, славнейший из нартов,
Борода у него стала белою,
Не носят его ноги старые,
Тетиву натянуть мочи нет в руках!
Подточили годы силу могучую.
Он уже в походах больше не участник,
Нартам молодым больше не советчик.
Хоть и нужен совет, Урузмага не спросят,
А иные совсем ни во что не ставят,
Свысока оглянут: — Что с него пользы! —
Вот весь день и сидит Урузмаг на нихасе,
С самого рассвета до заката солнца,
День свой коротает, вести слушая.
Сойдутся, как прежде, юноши нартские
Состязаться в играх, в стрельбе из лука, —
Глядя на юношей, старый запечалится,
Вспомнится старому давняя молодость:
Как стрелу пускал он прямо в глаз орлу,
Верхом на Арфане* соколом летывал, —
Всегда впереди славнейших из нартов
В обороне, в боях и в смелых наездах!
Молнии-искры меч его мечет,

Врага поражая, как громом небесным, —
Победой над ним никто не похвастает...

Домой возвращался Урузмаг нерадостно.

Не раз тогда старый себе говаривал:

— Эх, разок бы еще побывать в походе,

Обтереть бы меч свой о вражьих жилы,

О вражьих кости отточить бы стрелу!

А там и в могилу можно улечься.

Уж лучше, чем слыть напоследок лет

Примером славы, ставшей бесславием! —

С той поры Урузмаг не ведал покоя,

Пока не обдумал поход последний.

А тогда на нихас он вышел вечером.

Там сошлись удальцы, нартские юноши.

К ним-то он и держал речь неторопливую:

— Нартские удальцы! С юных лет до старости

С вами я делился умением и опытом,

Да старость настала и сломила силу, —

В походы вести вас я больше не годеи,

Негодный, ненужный, я в тягость вам, нарты!

Юноши нартские, уважьте старого:

Завтра, лишь выглянет солнце златоокое,

Ковчег снаряжайте, сбитый накрепко.

Меня в том ковчеге в воду бросайте,

Да там, где поглубже, чтоб несло подальше,

Унесло подальше, вдаль от родины.

Кто бесславно влачит последние годы,

В последние годы кто силой иссякнул,

Недостойн лежать на нартском кладбище! —

Нартские юноши головой поникли,

Крепко задумались над речью Урузмага,

Одни говорили с болью сердечною:

— Если нам главою Урузмаг не будет,

Если не будет нам мудрым советчиком

И нас напутствовать не станет в походы, —

Не станет и жизни нартским юношам!

С болью сердечною другие сказали:

— Что правда, то правда, он не скупился
На мудрый совет ни старым, ни малым, —
Всему народу был он наставником.
Мы в беде и нужде спешили к Урузмагу.
Теперь он, конечно, негоден, ненадобен,
Да все ж, не годится бросать его в воду!
Остается ему и жить-то немного —
Пускай доживает свой век без печали,
Пускай на покое меж нами живет! —

И нарты не вняли просьбам Урузмага.
И домой Урузмаг печально поплелся.

Вот опять приходит назавтра, под вечер,
И назавтра опять говорит нихасу:
— Чем вас разгневал я, нарты милые?
Дни мои горькие зачем вы множите?
Снаряжайте ковчег и меня бросайте,
В волны вы бросайте, пускай уносятся! —

Подумали нарты: что с ним поделаешь!
В три дня снарядили ковчег для старого,
На дно постелили шкуру медвежью,
Из меха лисьего дали одеяло.
На берег потока ковчег притащили,
И пришли из страны Великого Нарта
Юноши нартские к речному берегу,
Чтобы в час последний пожелать Урузмагу,
Славному, старому, — счастливой дороги.

И сказал Урузмаг: — Прощайте, юноши!
Дружите со славой, будьте отважными,
Чтоб ржа не изъела мечей ваших дедов,
Тетиву бы дедов тля не источила,
Чтоб дедовской славы вы не обесславили,
Чтоб вас не осилил пришлец-насилник.
Лучше славная смерть, чем жизнь позорная!
Прощайте, юноши, пора нам расстаться! —

Юноши простились с нартом Урузмагом,
Нарта Урузмага в ковчег посадили,
Положили ему еды на неделю;

Чтоб ковчег не протек, засмолили снаружи,
Раскачали ковчег и в воду бросили.

Подхватили волны ковчег Урузмага,
Занесли далеко — до моря Саденджиз,
Прибили к берегу у речного устья,
В устье был водопой табунов алдаровых*.
Утром табунщики коней пригоняют
К устью речному, в то самое место.
Кони зафыркали, в испуге пятятся.
— Это что за чудо? — смотрят табунщики.
Табунщики сами в воду повходили
И видят: пред ними ковчег колышется.
Вот берут ковчег, волокут на берег,
Камнем прибрежным верх отшибают.
Глядят, — а в ковчеге старец неведомый.
Стали выведывать: — Кто ты, откуда ты?
Добрый ли ветром иль непогодою
Занесло тебя к нам, в нашу сторону? —

Неведомый старец сказал табунщикам:
— Откуда приплыл я? Из нартской области.
А рода какого? Рода Ахсартакката*.
Как по имени звать? Зовусь Урузмагом.
Знать вы захотите, что мне здесь надобно, —
Вам я без утайки правду поведаю:
Среди нартов я жил в почете и счастье,
Да стал я стариться, и силы иссякли,
А жить бессильными нартам не по нраву, —
Мне старость такая невоготу прихлась,
Я в волны потока велел меня бросить.
Где меня носило — знать я не знаю,
Ведать не ведаю — куда принесло,
Что вы за люди — мне и невдомек! —

Едва лишь прознали про гостя невольного,
Тут один табунщик помчался к алдару,
Предстал перед алдаром и весть возвещает:
— Если лгу, обезглавь, но только выслушай:
Там к устью речному, к месту водопою,

Волнами сегодня ковчег прибило.
Ковчег мы открыли, — кого ж увидели?
Лучшего из нартов, самого Урузмага! —
У алдара сердце взыграло радостью.
Во все свое горло он слугам гаркает:
— Слуги, не медлите, ведите Урузмага! —

Приводят к алдару старца Урузмага:
— Ну, что же, Урузмаг, попался мне в руки?
Не пошлешь ты в поход нартских юношей,
Ты в нартских юношей не вдохнешь отваги!
Старым глазам твоим солнца не увидеть,
Руки могучие закуют в колодки,
В колодки закуют могучие ноги! —
Так кичился алдар, владыка той области.

Урузмаг доблестный слушал, помалкивал,
А в сердце смеялся спеси алдаровой.

Слуги алдаровы взяли Урузмага,
В тяжкие колодки нарта заковали
И бросили нарта в башню темничную,
Двери железные закрыли накрепко,
Малое оконце в дверях оставили —
Просовывать пищу старому узнику.

Много, немного ли проходит времени, —
Как-то Урузмагу пищу приносят.

Говорит Урузмаг слуге тюремному:
— Нет, видать по всему, ваш алдар не умен:
Что ему за корысть в дряхлом узнике,
Если узник умрет в темничной башне?
Прибыльней было бы выкупа требовать.

А слуга и бежит напрямиком к алдару.
Пал он на колени и весть возвещает:
— Если лгу, обезглавь, но только выслушай:
Заводит твой узник чудные речи:
„Нет, видать по всему, ваш алдар не умен:
Что ему за корысть в дряхлом узнике,
Если узник умрет в темничной башне?
Прибыльней было бы выкупа требовать“.

Тут алдар заорал во все свое горло:
— Слуги, ступайте-ка, раскуйте Урузмага,
Раскуйте, ведите ко мне, в мой замок!

Посбивали слуги с Урузмага колодки,
В замок волокут старого узника.
Гордо на престоле алдар восседает.

Вопрошает алдар нарта старого:

— Какой же ты выкуп дать собираешься?

В втакой скудости чем ты мне заплатишь?

— О, всесильный алдар, ты ведь знаешь, кто я, —

Пошли же вестников ко мне на родину.

Народ и кровные обо мне услышат,

Узнают, что жив славнейший из нартов,

Что пленен старейший алдаром Саденджиза,

Тут уж все отдадут, чем нарты богаты.

А нартов богатство тебе известно,

Оно ведь известно по всей вселенной.

Если не достанет, чем сам я богат,

Втрое против того нарты выплатят!

— Так-то так, Урузмаг, но в чем же твой выкуп? —

Алдар выпрашивал Урузмага старого.

А старый Урузмаг ответил алдару:

— Уж не знаю, алдар, что держишь на сердце

И довольно ль с тебя такого выкупа, —

Только дам я тебе скота отборного:

Дам сто сотен быков — все об одном роге,

Да сто сотен быков — все о паре рогов,

Да сто сотен быков — все о трех рогах,

Да сто сотен быков — все о четырех рогах,

Да сто сотен быков — все о пяти рогах.

Лишь услышат нарты, что хочешь выкупа,

Будут эти стада у тебя в загонах! —

Тут, при таких словах, алдар возрадовался,

Ему не терпится столько стад получить,

Получить столько стад за одну лишь голову.

Велит Урузмагу отправить вестников:

— Извести немедля народ свой и кровных, —

Лишь только стадо от нартов прибудет,
Отпущу в тот же час тебя на свободу! —

Говорит алдару нарт белобородый:
— Дай мне двух вестников, послать их к нартам,
К народу и кровным с вестью о выкупе.
Да чтоб вестники те пастухов повели,
Указали бы путь к тебе, в твою сторону, —
Куда им погнать быков для выкупа.
И один бы вестник был черный волосом,
Русый волосом был другой бы вестник! —

Как тут знать алдару, что на сердце держит
Старый Урузмаг, наставник нартов!

Слуг во все стороны алдар посылает, —
Разыскать вестников, каких надобно.

Вот, каких надобно, вестников приводят.

Был первый из них — черный волосом,

Русый волосом второй был из них.

Им старый Урузмаг путь указывает:

Как найти дорогу в селенье нартское.

И старый Урузмаг наказывал вестникам:

— Идите, вестники, в нартскую сторону,

Скажите вы нартам про беды Урузмага:

„Урузмаг, — скажите, — старейший из нартов, —

В плен попал, бедняга, к алдару Саденджиза.

Посылайте выкуп за нарта Урузмага.

Да время не терпит, а то он томится,

В темничной башне Урузмага держат,

Держат Урузмага в тяжелых колодках.

Выкупить старого не много надобно:

Дать сто сотен быков — все об одном роге,

Да сто сотен быков — все о паре рогов,

Да сто сотен быков — все о трех рогах,

Да сто сотен быков — все о четырех рогах,

Да сто сотен быков — все о пяти рогах,

Впереди же всех стад двух быков гоните, —

Гоните черного, а рядом — красного,

Они и поведут верною дорогой.

А дорогой верной вести не станут,
Так черному быку срубите голову,
На шею красному голову повесьте,
Тогда уж он прямо и Саденджизу пойдет,
К алдару Саденджиза покажет дорогу. —

Простились вестники и в путь отправились
К народу нартскому, к кровным Урузмага.
Шли немало ночей, шли немало дней,
А сколько шли они, — кто его ведает?
Несли они нартам весть от Урузмага.
Сидят на нихасе нарты именитые,
Вспоминают нарты старого Урузмага.
Подходят к нихасу двое путников,
Сказали путники сидевшим на нихасе:
— Доброго вечера! Веселой беседы! —
Ответили нарты прибывшим путникам:
— Хорошей вам жизни! Крепкого здоровья!
Кто же вы такие? Откуда идете?
Добрый ли ветром или непогодой
Занесло вас, гости, в нашу сторону? —

Отвечают гости именитым нартам:
— Пусть ваши недуги на нас перекинутся!
Издалека идем, с берегов Саденджиза.
Славный нарт Урузмаг в плену там томится.
В руки он попался алдару Саденджиза.
Заточен алдаром старый Урузмаг.
К вам итти он велел — просить о выкупе. —

Услышали нарты, что жив их Урузмаг, —
Тут уже радости и краю не было.
По всему селенью весть разносятся.
Старейшие нарты гостей допрашивают:
— Дорогие гости, гости хорошие,
Расскажите скорей все нам о выкупе, —
Какого выкупа алдар потребовал? —

Отвечали гости: — Урузмаг наказывал:
„Скажите вы нартам про плен Урузмага,
Чтоб прислали выкуп за нарта старого.

Выкупить старого — не много надобно:
Дать сто сотен быков — все об одном роге,
Да сто сотен быков — все о паре рогов,
Да сто сотен быков — все о трех рогах,
Да сто сотен быков — все о четырех рогах,
Да сто сотен быков все о пяти рогах.

Впереди же стад двух быков гоните,
Гоните черного, а рядом красного, —
Они и поведут верной дорогою.

А дорогой верной вести не станут,
Так черному быку срубите голову,
На шею красному голову повесьте.
Тогда уж он прямо к Саденджизу пойдет,
К алдару Саденджиза покажет дорогу". —

Со вниманьем нарты вести выслушали.
Сказали старшие младшим по возрасту:
— Ведите, младшие, гостей в гостевую, —
Издалека шли они, верно, утомились! —

Отвели немедля гостей в гостевую,
Угостили гостей, по-нартски ублажили,
И спать уложили на мягкой постели.

Тут нарты старшие, виды видавшие,
Стали думу думать, догадки строить:
„Отобьем по рогу у быков двурогих,
Быков однорогих тогда и получим,
А двурогих быков у нас достаточно.
Но о трех-то рогах, о четырех рогах
Да о пяти рогах — где их разыскивать?“

Задумались нарты с тревогой на сердце,
Сказали старшие, самые бывалые:
— Мы всюду ходили — до края небесного.
Немало топтали путей и дорог,
Все места, как будто, нартами исхожены,
Стада всех народов нартам ведомы,
Но никто из нартов слухом не слыхивал,
Что бывают быки и о трех рогах,
О четырех рогах и о пяти рогах! —

Еще они долго судили-рядили,
Рассудили же так своим разумом:
— Попусту не скажет наставник нартов, —
Тайного тут смысла искать придется,
Нам же не по силам дело такое.
Пойдем-ка все вместе, спросим-ка Сатану,
Сатана и скажет, что делать надобно.
Хитрая из хитрых, из мудрых мудрая,
Все знает Сатана в прошлом и будущем.
Под землей и в небе вести не сыщете,
Чтоб была эта весть Сатане неведома.

Приходят к Сатане с такою речью:
— Всегда ты с народом делилась мудростью,
Всегда к тебе нарты шли за советами, —
Пришли мы и ныне к тебе за помощью.
Сама ты слыхала весть об Урузмаге,
Что в плен он захвачен алдаром Саденджиза.
Нарта Урузмага надо нам выкупить.
И вот что нам надо сделать для выкупа:
Дать сто сотен быков — все об одном роге,
Да сто сотен быков — все о паре рогов,
Да сто сотен быков — все о трех рогах,
Да сто сотен быков — все о четырех рогах,
Да сто сотен быков — все о пяти рогах.

Отобьем по рогу у быков двурогих,
Быков однорогих тогда и получим,
А двурогих быков у нас достаточно.
Но о трех-то рогах, о четырех рогах
Да о пяти рогах — где их разыскивать?
Мы всюду ходили — до края небесного,
Немало топтали путей и дорог,
Все места, как будто, нартами исхожены,
Стада всех народов нартам ведомы, —
Но никто из нартов слухом не слыхивал,
Что бывают быки и о трех рогах,
О четырех рогах и о пяти рогах! —
Мудрая Сатана сразу догадалась,

Что сказал Урузмаг словами странными.
Громко засмеялась, сказала Сатана:
— Одряхлаел Урузмаг, да крепок разумом:
Вас уму-разуму учить перестанет, —
Пропадете вконец, вконец погибнете.
Видно путь нашел он во вражье логово,
К логову вражьему вас подзывает.
Бык об одном роге — это пеший воин,
Бык о двух рогах — это воин-всадник,
Бык о трех рогах — это всадник с копьем,
О четырех рогах — копьеносец с панцырем,
О пяти — панцырник со всеми доспехами.
— Но старый Урузмаг еще наказывал:
„Впереди этих стад двух быков гоните,
Гоните черного, а с ним и красного,
Они и поведут верною дорогой.
А дорогой верной вести не станут,
Так черному быку срубите голову,
На шею красному голову повесьте, —
Тогда уж он прямо к Саденджизу пойдет,
К алдару Саденджиза покажет дорогу“.
Скажи нам Сатана, что бы это значило? —
Усмехнулась она и сказала нартам:
— Вы, нарты, я вижу, туги на догадку.
Когда снарядитесь в поход, как сказано,
Путь вам указывать двоих отрядите —
Черноволосого и русоволосого,
Двоих чужеземцев, что прислал Урузмаг.
Те поймут, на кого походом идете, —
И станут на месте, дальше не двинутся.
Срубите голову черноволосому,
Русоволосому на шею повесьте.
Тут русоволосый смерти убоится,
Тогда уж он прямо к Саденджизу пойдет,
К алдару Саденджиза покажет дорогу. —
Мудрой Сатане нарты поклонились.
Как один, все нарты, старшие и младшие,

Стали закаливать стрелы крылатые,
Горным песчаником копыя отчистили,
Остро наточили мечи широкие,
Навели на щиты блеск солнцеподобный,
Булатные латы к бою наладили.

К табунам послали младших из нартов.
Пригнали младшие афсургов* неезженных.
В роднике прозрачном коней выкупали,
Взнуздали уздою, седлом оседлали...

Три дня снаряжалось войско нартское, —
Вот и день наступил в поход отправиться,
В далекий поход — в страну Саденджиза.
В дорогу тронулось войско могучее,
И пыль летучая небо заволокла.
Земля затряслась от конского топа,
От дыха конского вихри завихрились.
Громом громяхают грозные дождепи.

А путь указывать двоих отрядили —
Черноволосого и русоволосого,
Двоих чужеземцев, что прислал Урузмаг.
За селенье вышли — и дальше ни шагу.
Ни черноволосый, ни русоволосый,
Ни вперед, ни назад, с места не сдвинутся!
Тут голову сняли черноволосому,
Русоволосому на шею повесили.
И русоволосый смерти убоился,
Стал он дорогу нартам показывать.

Нарт белобородый, старый Урузмаг
В темничной башне нартов поджидает.
Говорит однажды Урузмаг алдару:
— О, великий алдар, пора и взглянуть бы
С дозорной башни на пути-дороги, —
Не гонят ли нарты стадо для выкупа. —

Взошли на вершину башни дозорной
И с вершины башни глядят во все стороны
На пути-дороги, на холмы и равнины.
У края равнины что-то чернеется,

Черною тучею пыль подымается,
Леса при дороге ветер раскачивает.
И смекнул Урузмаг — то нарты прибыли:
Говорит Урузмаг: — О, великий алдар!
Вот выкуп, так выкуп: земля не удержит!
Пошли же навстречу, алдар всеильный,
Всех, подвластных тебе, — народ и воинов.
Только прикажи им не брать оружия,
Одни хворостины пусть возьмут с собою:
Быки ведь нартские — породы норовистой,
Завидят оружие, кинутся в стороны,
В лесах укроются, по полю рассеются, —
Уж тогда, алдар мой, на меня не пеняй! —

Алдар послушался, послал глашатая.
К алдаровой башне на зов глашатая
Стеклись подвластные — народ и воины.
Пред всею толпою алдар расхвастался:
— Это мне прислали из нартской области
Выкуп за голову нарта Урузмага.
Спешите навстречу, быков принимайте,
Только оружия с собой не берите,
А возьмите с собой одни хворостины. —

Двинулись навстречу народ и воины,
Все без оружия, только с хворостинами.
Подошли поближе — и что ж увидели?
То не стадо быков, то войско движется!
Ужаснулись тогда народ и воины,
Бросились обратно, да не тут-то было!
Нартские воины на них накинулись,
Направо-налево мечами рубиди,
Стрелами били, конями топтали.

Пыль еще повыше над землей поднялась,
Леса и равнины тучей окутала.
Смотрит издалека алдар Саденджиза,
Страхом обуянный, Урузмага просит:
— Погляди-ка, старый, что там такое?
Будто черный туман повис над стадом? —

Говорит Урузмаг алдару Саденджиза:
— Не пугайся, алдар, той черной тучи, —
То тучное стадо сюда приближается,
То — пар от дыханья, то пыль от копыт.

Щиты зазвенели, мечи залязгали,
Стрелы засвистели, загремела битва.
Содрогались горы, грохотали ущелья.
Алдар Саденджиза слушал испуганно.
Стал он выпрашивать старого Урузмага:
— Скажи мне, Урузмаг, что там за грохот?
Не битвы ли грозной слышно громыханье?
— Не пугайся, алдар, то стадо движется,
Тяжелое стадо стучит копытами. —

А нарты не ждали — врагов крошили,
Возвратилось время Сухского побоища.
Грудами ложились вражеские трупы,
Вражеская кровь струилась потоком.

Все это увидел старый Урузмаг, —
Тут занес он руку, тяжкую, нартскую,
И прямо с размаха алдара ударил.
Тот и не сдобровал, на колени свалился.
Говорит алдару славнейший из нартвов:
— Заточил ты в башню старого нарта,
Ты старые ноги в колодки заковал,
Старые руки заковал в колодки,
Выкупа требовал за нартскую голову.
У нас же от предков ведется издавна:
Врагам оплачивать за обиду обидою!
Окинь ты оком поля окрестные, —
Там грудую трупов легло твое войско,
Высятся горы из мертвых голов,
Струится потоками кровь твоих воинов,
Вот тебе выкуп за голову нарта,
За обиду мою — вот тебе расплата! —

Тут он хватает алдара за руку,
Бросает алдара с вершины башни...

В селение входят нартские воины,

А старый Урузмаг им улыбается,
К нартским удальцам обращает речь:
— Еще на что-нибудь и старый сгодится,
Стара голова, зато испытана:
Не проник бы я сам в гнездо воронье, —
Так снедью ворона стать бы вам, нарты! --
И в путь обратный нарты собираются,
Добро алдарово с собою увозят:
Золоту-серебру и счета не было,
Не было и счета доспехам воинским,
А конских табунов — земля не держала!
Отправились нарты в свое селение,
Весело на сердце от бранной удачи.
Вот и недалеко родные жилища!
Только пыль от копыт в селеньи завидели,
И завидели пар от конских ноздрей,
И топот скота в селеньи слышали, —
Весь нартский народ, от малых до старых,
Навстречу воинам хлынул широко.
Радуются нарты возврату Урузмага
И других храбрецов, побывавших в походе.
Радуются нарты отобранной добыче,
Удаче бранной радуются нарты.
Богатства алдара поровну розданы, —
Добро разделили меж всеми нартами.
А скот не делили, отбитый у недругов,
Резали весь год и пиры справляли —
Веселые кувды* и харнаги* знатные.
Да, не плох был поход напоследок лет
У славного нарта, старца Урузмага!

КАК НАРТ БАТРАДЗ ЗАКАЛИЛ СЕБЯ

Как-то раз Батрадз крепко задумался:
— И есть во мне сила, да больше надо бы,
А не то, на беду, осилит насильник.
Уж лучше, давай, пойду-ка на небо,
Поднимусь на небо, прямо к Курдалагону, —
Попрошу-ка его, чтоб меня закалил! —

Пошел он на небо, прямо к Курдалагону.
Вот подходит Батрадз к небесной кузнице.
— Кузнец наш небесный, Курдалагон-кузнец!
Брось меня в горнило, закали в кузнице!
— О том и не думай и желать не смей:
Сгоришь, мое солнце, а тебя мне жалко, —
Уж очень, юноша, ты мне понравился!
— Нет, так надо мне, Курдалагон-кузнец!
Я прошу тебя просьбой великою.
Закали ты меня в небесной кузнице. —

Как тут отказывать, что тут поделаешь?
Приказал Батрадзу Курдалагон-кузнец:
— Тогда, мое солнце, за работу берись:
Ты первый месяц все углем запасайся,
Другой же месяц — все песком приречным. —

Батрадз, сын Хамыца, взялся за работу, —
Он первый месяц все углем запасался,

Другой же месяц — все песком приречным.
К кузнице привозит песок и уголь.

Тут кузнец небесный, Курдалагон-кузнец,
Хватает Батрадза, в горнило бросает.
Черного угля туда он засыпал,
Он засыпал туда песку приречного,
И разжег от искры Елии громоносца,*
А вокруг устали двенадцать мехов
И так целый месяц дул беспрестанно.

Пора наступает, берет он клещи.
Говорит про себя Курдалагон-кузнец:
— Сгорел, знать, бедняга, Батрадз, сын Хамыца, —
Пойду-ка да выну обугленные кости. —
Идет Курдалагон с клещами в кузницу,
А Батрадз и кричит громким голосом:
— Не пробрал твой огонь меня ни чуточки!
Что ты, шутишь со мной, Курдалагон кузнец?
Да и скучно в кузне одному без дела,
Дай, что ли, фандыр* — игрой потешиться! —

Пошел Курдалагон и принес он фандыр.
И еще подсыпал черного угля,
Песку приречного еще он подсыпал
И дул беспрестанно еще неделю,
В двенадцать мехов дул Курдалагон.
Да огонь не пробрал Батрадза ни чуточки!

Сказал тут Батрадзу Курдалагон-кузнец:
— Возьмись за работу, Батрадз, сын Хамыца:
Набей ты побольше змеев-драконов.
Возьмем, попробуем, угля драконьего,
А простой наш огонь тебя и не согреет. —

Вот снова пошел Батрадз, сын Хамыца,
Набил он немало змеев-драконов,
Взвалил их на спину, принес Курдалагону.
Спалили драконов, пережгли их на уголь.

Тут уж сам Батрадз в горнило ложится,
А кузнец небесный, Курдалагон-кузнец,
Уставил вокруг двенадцать мехов

И в двенадцать мехов задул на Батрадза.

Проходит неделя, пора наступает, —
Говорит про себя Курдалагон-кузнец:
— Лойду, посмотрю-ка на сына Хамыца! —
А Батрадз и кричит громким голосом:
— Прокалил, наконец! Что ж попусту держишь!
Бери поскорее, кидай меня в море! —

И кузнец небесный клещи хватает,
Клещами хватает нарта за колени,
Сразмаху кидает в море глубокое.
Запенилось море, зашипело, вскипело,
И вода морская вся паром изошла,
Осушилось море до самого дна.

Тут-то у Батрадза тело закалилось,
И застыло тело синим булатом.
Одна только печень без закалки осталась:
Воды не достало — вся паром изошла.

Как вышел из моря Батрадз булатный,
Море снова тогда водой наполнилось.

ВАТРАДЗ И УАИГ ПЕСТРАЯ БОРОДА

А то, говорят, у великих нартов,
На горах у нартов, — слушай, мое солнышко! —
Засел там в засаду уаиг пестробородый,
Пестрая Борода, великан кривоглазый.
Не давал он проходу нартскому стаду,
Да и нартам самим проходу не было.

И вот порешили нартские старцы:
— Не иначе, как кувд устроить следует.
Следует всех нартов на пир созвать, —
Изберем на пиру пастуха для стада. —

И старый Урузмаг засылает вестников —
Возвестить о кувде всем нартам повсюду.

Большие и малые на кувд собираются.
Старый Урузмаг творит моление,
Помолясь, говорит такое слово:

— Кто нартское стадо пасти отважится,
Пускай отведает куваггага* нашего! —

Нартов немало на кувде собралось,
А взять куваггага никто и не смеет!

И снова Урузмаг засылает вестников:
— Всю нартскую землю пройдите, вестники,
Известите вы всех, всех до единого,
Никого не забудьте на нартской земле! —

И снова Урузмаг творит моление,
Снова предлагает взять от куваггага, —
Куваггага вкусить никто не решается.
Тут старый Урузмаг стал допытывать:
— Не остался ли кто на кувд не позванным? —
Сказал Урузмагу старший из вестников:
— Один только мальчик забыт, не позван,
В золе он возился, босый и голый. —

Повелел Урузмаг пойти за мальчиком.
Приводят мальчика, на пир приглашают.
Почтенный Урузмаг увидел мальчика
И тогда в третий раз ко всем обратился:
— Кто на силы свои может положиться,
Пускай отведаст куваггага нашего! —

Но Батрадз не внимал словам Урузмага.
Повторил Урузмаг погромче прежнего.
Батрадз попрежнему не внимал Урузмагу.
Изо всей тут силы возгласил Урузмаг, —
Встрепенулись нарты, внимают старому,
В этот раз и Батрадз внимал Урузмагу.
— Тот, кто наши стада пасти отважится,
Пускай отведаст куваггага нашего! —

И вскочил тут Батрадз, бежит к Урузмагу.
Взял от куваггага три каравая
Да к трем караваям — бедро бычачье,
В рот себе бросает одним броском
И одним глотком все проглатывает.

Вот нарты затемно скотину выгоняют,
И Батрадз выходит — с хворостиной и палкой.
Нартское стадо погнал пред собою.
Рано, на рассвете, пригнал на пастбище.
Пастись оставляет на траве зеленой,
А сам пускается за дикой козулей.
Дикую козулю настиг он стрелой,
Он устроил себе из шкуры шалашик,
А из туши шашлык изготовил на славу.

Был в отлучке уаиг Пестрая Борода.

Про юнца-пастуха услышал он вести.
Возвратился уаиг и стадо выследил.
Подступил к Батрадзу с бранью дерзкою:
— Это что за пес, это что за осел
Ко мне, в мои земли стадо пригоняет?
— Это сам ты пес, это сам ты осел!
Смрадною слюною что ты разбрызгался? —
Напустился пастух на Пеструю Бороду.

Признал тут Батрадза уаиг одноглазый,
Славного Батрадза, булатногрудого.
Присмирел насильник, к мальчику ластится,
Медовым голосом его выпрашивает:
— Ты нарта Батрадза знаешь ли, юноша?
— А как же не знать? — Батрадз отвечает.
— Скажи мне, юноша, про игры Батрадза,
Как любит играть Булатногрудый?
— Вот так он играет! В такие игры! —
Восклицает Батрадз булатногрудый, —
Подскочил он к уаигу Пестрой Бороде,
Повалил на землю, подмял под себя,
Голову сорвал, будто перепелу.
Насадил на палку уаигову голову,
Поднял над собою и к нартам отправился.

Под вечер нарты вышли с тревогою:
Вернется ли стадо с пастбища страшного?
Пеструю Бороду завидели издали, —
Затряслись, задрожали и старый и малый:
„Идет, — подумали, — сам уаиг-насильник!“

А Батрадз подходит все ближе к нартам.
Вгляделись нарты, про все смекнули, —
Смеху и радости и краю не было.
С этих пор и стада паслись безопасно,
Сами без опаски и нарты ходили.

БАТРАДЗ И ТЫХЫ ФЫРТ

Случилось некогда, все лучшие нарты
В далекую землю в поход отправились, —
Из юных нартов — самые сильные,
Самые мудрые — из старых нартов, —
Все лучшие нарты, кроме лишь Батрадза.
А Батрадз булатный в небесах пребывал,
В небесах Батрадз один укрывался.

Вот и год проходит, а нартов все нет,
Ни сами нейдут, ни вестей не шлют.
Узнал Тыхы-Фырт, прослышал про это,
И послал Тыхы Фырт всем нартам сказать:
— Были ваши предки у наших данниками
И дань девицами платили издавна.
Я же немало лет дани не взыскивал, —
Так дань заплатите по доброй воле,
А не то подымусь на вас я войною, —
Горе, горе тогда вашим очагам! —

Задумались нарты, все, кто дома остался,
Крепко задумались: „Что тут поделаешь?
Да слыхано ль это, чтобы нартский народ
Был бы когданибудь чьим-нибудь данником?
Как теперь поступим? Что же нам делить?
Отдадим ему дань, — укорять нас будут,

Упрекать нас будут все знатные нарты;
Не дать ему дани, — насильник осилит,
Учинит насилье над нами Тыхы-Фырт,
Никто Тыхы-Фырту не даст и отпора:
Все, кто посильнее, все, кто помудрее, —
Все лучшие нарты в далеком походе!“

Тут Сырдон говорит, Сырдон, гатагов сын:
— Как ни думайте вы, самим не придумать.
Сатану спросите, она вас наставит! —

И пошел весь народ Сатану спрашивать.
Тем часом приходит и сам Тыхы-Фырт
И в плен забирает нартских дочерей,
Нартских невесток он в плен забирает.
Узнала Сатана про это злодейство,
Ястреба поймала, сказала ястребу:

— Батрадз булатный в небесах пребывает,
В небеса укрылся мой сын нерожденный.
Ты лети к Батрадзу, неси мое слово:
„Если встал и стоишь, не садись ты больше,
Если сел и сидишь, — вставай попроворней,
В родную сторону возвращайся немедля!“
Исполнишь ты, ястреб, мое повеленье,
Любую курицу дам из курятника! —

Прилетает ястреб к Батрадзу булатному.
Приносит Батрадзу слово Сатаны.

Тут Батрадз булатный с небес бросается
И прямо падает на землю нартскую, —
Да с разгона в землю увяз по колена!
Батрадз натужился, ноги вывявил,
Побежал поскорей выпросить Сатану:
— Скажи мне, матушка, что тут приключилось?
— Несчастье постигло, беда небывалая! —

Рассказала она, что злодей содеял,
Что за дело затеял насильник Тыхы-Фырт.

И спросил тут Батрадз: — Куда же он скрылся?
— Беги ты на реку, к материнскому роду
И крикни с берега слова такие:

„Выгляни-ка, Чэх, наш маленький Чэх,
Родичу пособи, — я ведь свой, не чужой,
Я свой, кровь от крови, я, кость от кости, свой!
Укажи мне место, где скрылся Тыхы-Фырт“.
От этого Чэха, от Чэха Донбеттыра*
На земле и небе ничто не спрячется.
Он укажет место, где скрылся Тыхы-Фырт! —

Так нарту Батрадзу Сатана сказала.

А Булатногрудый и в дом не зашел,
Быстрыми шагами к реке направился
И крикнул с берега слова такие:
— Выгляни-ка, Чэх, наш маленький Чэх,
Родичу пособи, я ведь свой, не чужой,
Я свой, кровь от крови, я, кость от кости, свой!
Укажи мне место, где скрылся Тыхы-Фырт!

В горах и долинах, по лугам и лесам
Голосом Батрадза эхо загрохало.
Еще не затихло грохотанье эхо,
А уж Чэх проворный на зов появился.
— Ты сказал про себя: ты мне свой, не чужой,
А я как будто бы таких не видывал,
Нет у нас никого с тобою схожего.
Рассказывай толком, кто ты, откуда ты! —

Так маленький Чэх Батрадза спрашивал.
— Да что тут спрашивать, время зря упускать!
Поскорей укажи, где скрылся Тыхы-Фырт! —

Тут-то маленький Чэх и признал родича:
— Узнаю по нраву, — свой ты, сразу видать! —
Кричит он Батрадзу с великой радостью. —

— Я сказать-то скажу, где засел Тыхы-Фырт,
Но к нему пробраться — дело нелегкое.
— А коли нелегко, так ты сам пособи!

Сам сходи и снеси от меня известье:
„Не заставь, Тыхы-Фырт, тебя разыскивать.
Я — Батрадз, из нартов, тебе неизвестный!
С тобой сын Хамыца хочет повстречаться.
Нечего прятаться, ничто ни поможет,

И со дна речного тебя раздобуду,
Я пришел сражаться. Выходи навстречу!“ —

Быстроног был Чэх, проворен на ноги, —
Где другому нужен трехдневный срок,

В три мгновенья ока он переносится.
Пришел к Тыхы-Фырту, известье принес:

— Юнец появился, из области нартов,
Назвался Батрадзом, хамыцовым сыном,
Глаза же черные, каждый — тока не меньше,
Хоть гоняй по кругу двенадцать буйволов!

А послал он меня с таким известием:

„Я пришел сражаться, выходи навстречу,
Не выйдешь навстречу по доброй воле, —

Ничто не поможет, нечего прятаться!

И со дна речного тебя раздобуду!“ —

Выслушал Тыхы-Фырт, Чэху отвечает:
— Зачем же я спрячусь, скроюсь от противника,
Покрою позором отцову бороду!

Но нартом назвался, так должен бы знать:

У них положено сражаться по пятницам.

В первую пятницу пускай и приходит!

С тем и возвратился Чэх от Тыхы-Фырта,

Передал Батрадзу слова ответные.

На слова такие ничего не скажешь!

Отправился к нартам — дожидаться пятницы.

Вот явился к нартам Батрадэ, сын Хамыца.

Закричал он на них громовым голосом:

— Лучше б вы сгнули, только б не стерпели,

Чтобы черный осел мог нас опозорить!

На подмогу от вас нечего рассчитывать,

Хочу повстречаться один с Тыхы-Фыртом.

Приходите смотреть, хотя бы издали! —

А кто к ним явился, нартам неведомо.

Говорят они друг другу шопотом:

— Он с лица — будто нарт, и осанкою нарт,

Только где таился, пришел он откуда? —

Догадался Батрадэ, о чем те шепчутся,

Говорит он нартам громким голосом:
— Да бросьте шептаться, сам я поведаю:
Мать моя — Быценон,* а Хамыц — отец мой!
Хотел я дожидаться, пока подрасту,
Силы набирался, жил в одиночестве.
Нынче же хочу я с Тыхы-Фыртом биться.
А место для битвы — Хызовская степь,
А смотреть вам, нарты, с Уазовской горы! —

Настала пятница, время отправляться.

Снарядился Батрадз булатногрудый, —
Коня вороного из стойла он вывел,
Вдосталь накормил зрном отборным.
Вот седлает коня седлом отцовским,
Потесней, потуже крепит он подпруги,
Берет он с собою свой широкий меч,
Он берет и колчан, набитый стрелами,
И с тугой тетивой свой меткий лук.
На коня садится, говорит вороному:
— Слушай, верный мой конь, про дерзость Тыхы-Фырта!
Неспроста осмелел, меня не страшится,
Неспроста решился принять мой вызов.
Я тебя отпущу пастись нерасседленным, —
Сам стану сражаться с черным Тыхы-Фыртом,
А бой предстоит нелегкий, смертельный.
В битве я разгорюсь, тут тебя и кликну,
Тут я крикну тебе: „Эй, конь мой, сюда!“
Ты же, верный мой конь, вскачь пустишь, во всю мочь.
А ко мне доскачешь, — так толкни с разбега,
Ударь, что есть силы, ты грудью своею,
Чтобы прямо в реку меня отбросить. —

Подъезжает Батрадз к Хызовской степи,
К широкой реке, к самому берегу.

Он с седла слезает и пускает коня,
Отпускает коня пастись нерасседленным.

Кричит Тыхы-Фырту, зовет на битву:

— Настала пятница, выходи, не прячься! —
Из реки немедля Тыхы-Фырт выскочил.

Схватились друг с другом — Батрадз с Тыхы-Фыртом,
Закипела битва не на жизнь, а на смерть.
Встала пыль над ними тучей грозовою,
Земля содрогалась, и горы рушились.
Швыряли друг друга, бросали недруги
С вершины — в долину, из ущелья на склоны гор, —
Схваткой жестокою врагов забросило
В самую чащобу леса дремучего.
Тут они деревья с корнем вырывали,
Разили друг друга стволами старыми, —
Но ни тот, ни другой в битве не уступит!

Рассердился Батрадз и погнал Тыхы-Фырта,
Черного недруга, на реку черную.
На речном берегу бьются противники.
Батрадз, сын Хамыца, весь разгорелся,
Коня вороного тут он кликать стал,
Закричал он ему: — Эй, конь мой, сюда,
Сюда, мой вороной, скачи во всю мочь! —

И помчался тут конь вскачь, во всю мочь,
Прискакал к Батрадзу, толкнул его грудью, —
Со всего разбега, со всего расскока,
Изо всей силы в реку отбросил.
Закипела река, котлом запенилась.
Остудился Батрадз, на берег выскочил,
Крикнул Тыхы-Фырту громким голосом:
— Эй, ты, черный осел, берегись Батрадза! —

Оробел Тыхы-Фырт, в реку он прячется.
А в реке, на дне, жили кадзии.*
Тыхы-Фырт и жил с ними под водою.
Он добрался до них, злодей — до злодеев,
Поведал злодеям про нарта Батрадза:
— Гонится за мною такой богатырь, —
Вовек насильнику его не осилить!
Не осилить силой — разве лишь хитростью. —

Поспешно злодеи тут совет держали.
Решили злодеи ямищу выкопать
В том самом месте, где итти Батрадзу.

Крик со дна не дойдет — такая ямища!

А прикрыли яму коврами поверху,

Коварно коврами прикрыли кадзии.

Вот Батрадз приходит, нарт булатногрудый,

Тихонько друг с другом злодеи шепчутся:

— Поспешить нам надо навстречу Батрадзу,

Притворным смиреньем глаза отвести.

Другие тем часом бревен понатащут,

Понавалят камней от ямы недалеко,

Чтобы недалеко в яму было бросать! —

Как решено было, так было сделано:

Поспешили они навстречу Батрадзу

И сказали ему с притворным смиреньем:

— Мы тебе не враги, ни в чем неповинны,

Мы твою дорогу коврами убрали, —

Проходи по коврам гостем желанным! —

И Батрадз булатный пошел простодушно,

Большими шагами без опаски ступил.

Он ступил на ковер, — ковер провалился,

Провалился с ковром и хамыцев сын.

Тут вовликовали злодеи-кадзии:

— Ну, теперь погоди, от нас не вырвешься!

Зашвыряли в него камнями, бревнами,

Да Батрадз булатный не сплошал, выстоял:

Поднял меч над собой, кверху вытянул,

Как бревна и камни о меч ударятся,

Так и рассыплются мелкими осколками!

Теми осколками дно настиляется,

А Батрадз восходит все выше и выше.

Вышел он, наконец, из глубокой ямы,

Из самой глубины внезапно показался,

Закричал внезапно грозным голосом:

— Погодите, — кричит, — злодеи мерзкие,

Разделаюсь с вами, нечего прятаться!

От грозного крика сробели кадзии,

От страха сомлели, пали без памяти.

А Батрадз побежал к замку высокому,

Тыхы-Фырта в башне врасплох он застигнул.
(То же да постигнет и ваших недругов!)
Как ударил мечом Батрадз Тыхы-Фырта, —
Тыхы-Фырта рассек сразмаху по пояс.
Сразу повалился, упал Тыхы-Фырт,
Только и успел вдохнуть напоследок
Да и отправился в царство Барастыра*.

А Батрадз булатный взялся за кадзиев
И вконец истребил — всех, до последнего.
Вызволил из плена дочерей и невесток,
Нартских красавиц из плена вызволил.

Он взял их с собою в землю нартскую,
Разослал по домам дочерей и невесток,
Сам же от нартов на небо укрылся, —
Опять удалился до поры, до времени.

БАТРАДЗ И СЫН КРИВОГО УАИГА

Некогда нарты сошлись в Зилахаре,*
Собрались на пляску на поляне-игрище.
А плясали симд* — пляску не простую,
Такую пляску, что земля дрожала,
Содрогалась земля под ногами юношей.
Только не явились, не пришли на симд
Знатнейшие нарты, мужи славнейшие:
Там старца мудрого Урузмага не было,
Не было Сослана, из камня рожденного,
Не было Батрадза, сына хамыцова,
Славного Батрадза, булатногрудого.

А с горы, говорят, Алаф поглядывал.
Надменный Алаф, насильник-бахвальщик.
На пляску нартскую глядел сын уаига,
А сам в своем сердце такое задумывал,
Такое замышлял сын Афсарона:
— Давай-ка отправлюсь на пляску нартскую,
Пропляшу у нартов весь день до вечера,
Перелляшу-ка я нартских юношей,
Унижу юношей своею победой,
Присвою победно одежду побежденных! —
И не ждет, не медлит надменный Алаф,
Пошел к Афсарону, к отцу одноглазому,

Рассказал уаигу все, что задумал.
— Ох, не будет добра от такого дела,
Не ходи ты к нартам, нет, мое солнышко!
С нартами ссориться — дело нешуточное:
От нартов таится и птица горная,
И ветер полевой сворачивает прочь,
Даже гром небесный немеет при нартах!
Был когда-то и я, как ты, надменным,
Но в дальних странствиях встретился с нартами,
Да не остерегся, вызвал их на ссору.
Рассердились нарты и — сам ты погляди! —
Мне глаз из глазницы с корнем вырвали. —
Так кривой Афсарон наставлял Алафа,
Но Алаф наставлений и слушать не хочет.
Сунул за пазуху двенадцать караваев,
Двенадцать кардзынов*, ни меньше, ни больше, —
На большую пляску к нартам отправляется.
Прямо направился в Зилахар, на игрище.
Детищу вдогонку кричит одноглазый:
— Кончишь ты неладно, помяни мое слово,
Слово отцовское исполнится, сбудется! —
Спустился по склону Алаф надменный,
И набрел тут Алаф на коровье стадо,
Стал коров он доить — двенадцать выдоил.
Вынул каравай, присел подкрепиться.
Двенадцать кардзынов уплеl до кусочка,
До капельки выпил двенадцать удоев.
Обтер свои губы, черные, толстые,
И встал толстогубый, громко отрыгивая.
Отправился дальше — к нартам в Зилахар.
Набрел по дороге на дуб могучий
И с корнем выдернул, прихватил с собою.
Он достиг, наконец, нартского игрища.
Как ударит оземь дубовой палицей, —
Всех, сколько ни было, нартов подбросило,
Подпрыгнули нарты, от толчка подскочили —
И немалым ссачком — в рост вышиною!

Хлопнулись обратно, да так и присели!
Громко рассмеялся надменный Алаф,
Во все свое горло над нартами глумится:
— Ну-ка, нартские псы, выползайте плясать,
Плясовую силой со мной померяться! —
Что на это скажешь? Оробели нарты,
Положили руки друг другу на плечи
Да и стали плясать с печалью на сердце,
С печалью на лицах нарты заплясали...
А сын уаига стал посередине,
Он среди плясунов — для себя выбирает,
Для себя по нраву, с кем бы вместе плясать.
Ухватит за плечи — и ну отплясывать,
И ну отдавливать, что кому придется;
То палец сломает, руку покалечит,
То плечи вывихнет, то и ребра намнет.
Так стон и стоит над нартским игрищем.
Да разве управу найдешь на насильника!
Плясуну-силачу нет и угомона.
Стало невоготу нартским юношам,
К вечеру юноша совсем обессилели,
Один за другим из пляски выходят,
С поляны уходят один за другим.
Один лишь Алаф пляшет безустали, —
Всех и переплясал Алаф надменный!
Собрал он немедля одежды побежденных,
И победно домой Алаф отправился.

Сестра алафова глядела с вершины,
С горы разглядела, узнала Алафа.
Весело девица побежала к дому,
Прибежала, кричит отцу и матери:
— Брат возвращается, несет нам подарки,
Набрал он у нартов одежд драгоценных! —

Уаиг кривоглазый не верит дочери,
Дочери велит великан Афсарон:
— Ты поди, погляди, какова походка, —
По холмам, по склонам идет ли он бодро,

Или он крадучись по лощинам тащится?

С вершины еще раз сестра поглядела,
Разглядела сразу, какова походка:
По холмам по склонам быстро подымался,
Ступал сын уаига легко, безустали.
Сновз стала сестра отцу рассказывать, —
Рассказам не верит уаиг одноглазый.
Глядь — и сын подэспел, приходит юноша,
Прямо с ходу спешит похвалиться, похвастать:
— Ха-ха-ха, отец, страшал ты напрасно,
Поплясал я вдоволь, натешился досыта,
Вдосталь наглумился над юзыми нартами, —
Вот тебе добыча — одежды побежденных! —

Но кривой Афсарон сына спрашивает:
— Видно, не было там черноволосого?
Нет, крутолобого, видно, не встретил ты!
— Были там юноши черноволосые,
Были и русые, были и рыжие,
И крутолобые, и плосколобые,
Всякие там были, да толку в них не было,
Боятся и пикнуть, как меня завидят! —
Но верить не хочет, озабочен отец:
— Уж это я знаю, не было юноши
Черноволосого и крутолобого, —
Оттого и сошли все твои дерзости.
Но раз ускользнул, в другой покаешься! —

Рукою махнул на слова отцовы,
Отвернулся Алаф надменно в сторону,
А назавтра опять вскочил на рассвете,
Сунул за пазуху двенадцать кардзынов,
Состязаться в симде к нартам отправился.
Опять направился в Зилахар, на игрище.
И набрел он опять на коровье стадо,
Стал коров он доигь, двенадцать выдоил.
Вынул каравай, присел подкрепиться, —
Уплел до кусочка двенадцать кардзынов,
Двенадцать удоев до капельки выпил.

Обтер свои губы черными ручищами,
Встал толстогубый, дальше отправился.
Набрел по дороге на дуб могучий
И с корнем выдернул, прихватил с собою.
Вновь достиг, наконец, нартского игрища.
Опять на Алафа не найти управы!
Не справятся нарты с сыном уаиговым.

В это время Батрадз булатногрудый
Сидел на вершине, хамыцов сын,
Он на самый ледник, на гору взобрался,
Остудить задумал тело булатное.
Он глядел с ледника, — как тут не увидеть!
Как тут не разглядеть проделки наглые,
Глум, надругательства сына уаигова!
И сказал Батрадз себе, в своем сердце:
— Сверху на Зилахар второй день я гляжу,
Там второй уже день Алаф издевается,
Там изводит Алаф юношей нартских,
Он славных поносит, глумится над гордыми, —
Кровью сердце мое за бедняг исходит!
Схватки не избежать, сразиться придется, —
Надо мне с Алафом померяться силой! —

С этими словами за ледник он схватился,
Рукой отрывает ровно пол-ледника,
Кладет пол-ледника себе на голову,
Чтобы на бегу лоб не накалялся.
Искроглазым орлом к Зилахару прынул:
Прямо на игрище Булатногрудый мчится,
На лбу у Батрадза ледник растопился,
Весь лед растаял от быстрого бега,
Вода побежала по щекам потоками,
Рекой покатилась, водопадами пала.

Увидел Батрадза сын Афсарона,
Поблесклой былинкой весь затрепетал,
А сердце от страха схватило холодом, —
Догадался Алаф, узнал противника:
— Мне, видать, про него отец рассказывал,

Наказал бояться этого самого!

Черноволосый он, и крутолобый он! —

Был Булатногрудый учтивым юношей, —
Почтил он пришельца, даже „здравствуй“ сказал,

Даже руку подал, — а как же иначе?

Да как начал жать, — ох, люди добрые,

Всем вашим недругам такого пожатья!

У сына уаига рука раздробилась, —

Как яйцо воронье скорлупкой хрустнуло.

Побледнел тут Алаф, побелел смертельно,

А Булатногрудый ему предлагает:

— Теперь бы неплохо и в пляс нам пуститься,

Поплясать бы пойти — недурно, не правда ли?

Не до пляса ему, не до симда Алафу,

Не о веселии думы алафовы —

Об одном забота, об одном и думы:

— Эх, дома бы славно теперь очутиться! —

Но что тут сказать и что тут поделывать,

Как тут отделаться, — пляши поневоле!

Совсем осмелели нартские юноши,

Вскинули руки друг другу на плечи,

И пошел тут симд, пляска нартская!

Батрадз на Алафа оперся руками,

По кругу спокойно провел раз за разом, —

Да враз как наступит Алафу на ногу,

Да руку Алафи как рванет, как дернет!

Раздробилась нога сына уаигова,

Отнялась и рука, плетью повиснула.

А Булатногрудый нартов подбивает:

— А ну-ка, спляшите по-нартски, по-нашему! —

Двинулись рядами нартские юноши,

Горною лавиной все ближе наплывают,

Всколебалась земля от нартского топота.

Тут уж сын хамыцов Алафа как стиснет! —

Стеснилось дыханье у наглого юноши,

Ребра затрещали все до единого.

И взмолился Алаф, говорит Батрадзу:

— Отпусти, Батрадз, сжался, смилуйся!
Заклинаю именем отца твоего! —

А к словам был не глух Булатногрудый, —
Стиснул напоследок, поприжал, попримял
(Так помнет, бывает, орел воробышка!),
А там и выпустил, что тут поделаешь!
Себя на свободе почуял юноша,
Очнулся от страха, во всю мочь помчался.
Припустил во всю прыть домой, во свояси.
Уволок он ноги — и рад, что убрался:
Хоть жив-то остался, с рукою свихнутой!
С ребрами мятыми хоть сам-то уцелел!

Вот бежит, а нет-нет — назад оглянется:
Не погнался ль за ним плясун крутолобый?

Сестра алафова глядела с вершины.
Сверху увидела, узнала Алафа,
И снова девица побежала к дому,
Прибежала, крикнула отцу и матери:
— Брат возвращается, несет нам подарки,
Набрал он у нартов одежд драгоценных!
— Эх, мое солнышко, погодим, потерпим,
Мы потом посмотрим, мы после рассудим,
С какими дарами брат возвращается! —

Как увидел Алаф, что далеко ушел,
Что вслед не гонится нарт крутолобый, —
Сразу прыть пропала, и силы иссякли,
Бессильно упал он, наземь повалился.

Афсарон же старый наказывал дочери:
— Ты поди, погляди, какова походка.
По холмам, по склонам бежит ли он бодро,
Или же крадучись по лощинам тащится? —
С вершины еще раз сестра поглядела, —
Видит, брат на земле лежит, распластался.
Сестра воротилась, отцу поведала,
Все, что увидела, отцу рассказала.
Тут-то понял отец, что приключилось,
Приказал он слугам быков запрыгать,

Бычью упряжку за сыном посылает.

Вот сына привозят, да еле живого,
— Эх, не я ли тебе, сын мой, наказывал
С нартами не спорить, с ними не тягаться, —
Ведь с ними тягаться, — такой и силы нет! —

Так сказал Афсирон сыну упрямому.

Вот Алаф кое-как сил набирается.

Заживил он раны, залечил увечья, —

Тут и стал уаига отца допытывать:

— В чем же его сила, сына хамыцова?

— У сына Хамыца сила от закалки:

Закалили его в небесной кузнице!

Курдалагон-кузнец сам мехи раздувал, —

Так сыну Алафу отец рассказывал.

— Ах ты, старый осел! Ах ты, одноглазый!

Не хватило ума о закалке подумать,

Закалить и меня в небесной кузнице! —

Так бранил уаига Алаф надменный.

Слушал, слушал отец, — в ответ ни словечка.

Вот Алаф подскочил, в путь собирается.

Хоть и неможется, да итти не терпится.

Закряхтел, застонал, все же отправился

К небесной кузнице, прямо к Курдалагону.

Дотащился Алаф, Курдалагона кличет:

— Курдалагон-кузнец, вот тебе золото, —

Закали ты меня в небесной кузнице,

Точно так закали, как нарта Батрадз!

— Сын Хамыца, Батрадз, — он булатный весь,

Ты же сразу сгоришь, нет, жалко мне тебя! —

Так ответил ему кузнец небесный.

Но упрямец Алаф и слушать не хочет,

Пристает к кузнецу, нельзя отвязаться...

— Нет, так уж надо мне, Курдалагон-кузнец,

Я прошу тебя просьбой великою! —

Курдалагон-кузнец не спорил попусту,

Положил Алафа в большое горнило,

И в мехи он задул, как дуть положено.

Обожгло Алафа, проняло пламенем,
Тут он и завопил горестным голосом:

— Ох, горю, сгораю, скорей вытаскивай!

Не хочу закалки, только бы выбраться! —

Слышит Курдалагон, за клещи схватился,
Подбежал к горнилу, к сыну уаигову, —

Где уж тут вытащить, — не сгрести и косточек!

Будто шелковинка, пеплом рассыпался.

Выгреб Курдалагон алафов пепел,
По ветру пустил, развеял по полю...

БАТРАДЗ И КРИВОЙ УАИГ

Сгинул гордый Алаф, исчез он бесследно,
Как из чаши вода, в песок пролитая, —
В небесной кузнице пеплом рассыпался.

Одноглазый уаиг о сыне печалился,
И синим пламенем грудь полыхала:
Кого ж, как не нартов, считать виновными,
За смерть сыновнюю с кого же спрашивать?

Уаиг одноглазый смирил свою злобу,
Замкнул свою злобу до поры, до времени,
Но думу тайную в сердце взлелеивал:
Отплатить бы нартам за смерть сыновнюю!
Прямо на Батрадза пойти не решился, —
И придумал уаиг позвать к себе в гости
Отца батрадзова, а с ним — Урузмага.

Вот позваны в гости два старца нартские,
А сынам своим Афсарон наказал:
— За домом засядьте тихой засадою!
Как прохватит хмелем того и другого,
Тут-то и бросайтесь, за дело беритесь. —

Щедрым хлебосолом уаиг прикинулся,
Столы прогибало обильной дичиною,
Кувшины наполнились ронгом* пенистым, —
А старцы нартские ничуть и не чуют,

Чем их употчует уаиг кривоглазый!

Слышится здравица вослед за здравницей —
С двух концов стола, подряд без изъятия —
От старшего к младшему, от младшего к старшему.
И ели досыта и пили допьяна,
А кривой Афсарон, тот, знай, все потчует...
Хамыц с Урузмагом пьют, не спохватятся, —
Прохватило хмелем того и другого.
Тогда друг за другом сыны Афсарона
В дом проскользнули, притихли за дверью.
А хозяин с ковшом, ронгом наполненным,
С улыбкой во взоре спросил Урузмага:
— Чем веселить тебя, чем тебя чествовать?
Старинной ли песнею, песней ли новою?
— Что петь-то ты мастер, давно я наслышан,
Так дай нам услышать, покажи свой голос,
Да лучше порадуй песнею новою, —
Песни старинные знакомы издавна. —
Так сказал Урузмаг в ответ хозяину.
И запел тут песню кривой Афсарон,
С весельем во взоре, могучим голосом:

„Случилось некогда,
Осенней порою,
В дремучих зарослях,
При густом тумане,
Заблудились некогда
Два вепря дикие.
Окружили вепрей
Собаки клыкастые,
Обступили вепрей
Грозною сворою.
Слушайте, солнышки,
Нарты старейшие:
Не уйти тем вепрям,
Никуда не скрыться!
Нападут на вепрей

Собаки клыкастые,
На клочки, на части
Растерзают вепрей, —
Ох, бедные вепри,
Ох, вы, бедняжки!“

Как уж тут не понять старейшим нартам,
Что сказал хозяин той песней новою!
Про коварный обман как тут им не узнать,
Как тут не распознать злого предательства?
Ужаснулись о чи, сразу отрезвели, —
Да поздно схватились, что тут поделаешь!
А Батрадз укрывался на горе высокой,
Услышал Батрадз песню Афсарона,
И одним прыжком с горы он как прынет —
Да и прямо во двор, к дому Афсарона.
Сразу признал его по звону булата,
Ждет избавителя старый Урузмаг, —
Поет хозяину песню ответную:

„Да будут долгими
Дни твоей жизни,
Хлебосол-хозяин,
Щедрый хозяин!
Ты славно нас потчевал
Всякой дичиною,
Ронгом нас потчевал,
Пенистым ронгом, —
Но всего славнее
Песней употчевал,
Прекрасною песней
Нас ты распотешил!
Жалко, не dokonчил
До самого кончика:
Ведь песня, хозяин,
Не так кончается!
Вспомню, попробую,

Как дальше поется,
Тебя распотешу —
Слушай, хлебосол:
„К вепрям-бедняжкам
Прыгнул на выручку,
Соскочил со скалы
Смелый барсенок,
Барсенок отважный
С грудью булатною.
И псы клыкастые
Не спасутся, бедняжки:
На псов клыкастых
Барсенок бросается,
С бедных псов сдирает
Шкуры их черные.
Хоть клыкасты вы, псы,
Да и он не беззубый!“

Только песню допел снежнобородый,
Разом тут и Батрадз вломился в двери.
Закошил косяком, от дверей отшибленным
(Этаких ушибов—вашим бы недругам!),
Перебил уаигов Булатногрудый,
Он всех, без остатка, вконец изничтожил, —
Кривого уаига и все их отродье.
И отца своего, Хамыца старого,
А с Хамыцом вместе — Урузмага мудрого
Проводил тут Батрадз в селенье нартское,
Сам же снова к себе поднялся на небо
И в небе укрылся до поры, до времени..

КАК БАТРАДЗ СПАС ИМЕНИТЫХ НАРТОВ

А то еще некогда нарты именитые —
Сам мудрый Урузмаг серебрябородый,
Стальноусый Хамыц да с Сосланом вместе,
Со славным Сосланом, из камня рожденным, —
Отправились как-то охотой тешиться.
Пошли охотиться в дальнюю сторону.
Да зря все бродили, добычу выслеживая:
Дичи нет и следа, и глазом не высмотреть!
И знатные нарты совсем закручинились, —
Оскудели едой, вконец обносились.
И решили нарты пойти во-свояси.
Идут они лесом, дремучей пущею, —
И вдруг у опушки оленя увидели,
Белого оленя сразу заметили.
А зверь долгожданный им путь перерезал
И, будто бы дразнит, — скрылся, прочь ускакал.
Тут нарты схватили луки со стрелами,
Бегут, не упустят следа оленьего.
Зверь остановится на выстрел от нартов
И с новою прытью сквозь пущу пустится,
Лишь пуще пустится, — а нарты за зверем!
Заманил их олень, завлек их за горы
И внезапно скрылся за семью горами!

Измучились нарты, одолел их голод.
А домой вернуться — время уж позднее;
Здесь им оставаться без пищи, без ужина, —
На тощее брюхо и сон не утеха!
Огляделись вокруг — огонек мерцает.
Подошли поближе — башню увидели.
У башенной двери громко покликали.

А там укрывалось уаигов семеро,
Семеро братьев, друг друга огромней.
Рады, довольны уаиги черные:
— Пришли, — говорят, — своею волею,
Своими ногами горные людишки!

Приглашают войти именитых нартов,
К очагу сажают, совсем поблизости,
А сами друг другу и ну подмигивать,
И ну подмаргивать глазом единственным!

Вот трое из братьев готовят вертелы,
Другие четверо огонь раздувают.
Раздумались нарты, все уже поняли,
Ужаснулись они, да что тут поделаешь!
И просит Хамыц уаига старшего:
— Не избегнем конца, неминучей смерти,
Так исполни, уаиг, просьбу последнюю —
Ты позволь нам пропеть песню предсмертную,
Умирать у нартов с песнею принято! —

Громко рассмеялись, хохочут семеро:
— Ха-ха-ха, умора! Ладно, запевайте, —
От складной песни ужин ведь не хуже! —

Натужились нарты и грянули песню.
Громовая песня до неба достала.
Достигла до слуха нарта Батрадза,
Булатногрудого, хамыцева сына.
Гут могучий Батрадз с неба спрыгивает,
Прянул на гору, зазвенел булатом,
И звон тот булатный по полю стелется, —
В долинах, в ущельях стон откликается.

Услышали нарты, признали Батрадза,

Ждут избавителя, смеются весело.

— Ну, что же, посмейтесь, пока еще целы, —

Стращают уаиги, глумятся семеро, —

А время приспеет, насадим на вертелы!.. —

Да только сказали, успели вымолвить, —

Стена тут как рухнет, враз как обвалится.

А в пролом влетает сам хамыцов сын!

Вот пошел тут Батрадз кулаком колотить,

Как кого ударит, — так тот и готов,

Без звука валится в смертной судороге!

Истребил он врагов всех до последнего,

Из плена он вывел нартов старейших,

И Урузмага спас, и Хамыца с Сосланом.

Проводил их Батрадз в селенье нартское

Да для них понабил и дичи в придачу, —

А дело покончив, поднялся на небо

И в небе укрылся до поры, до времени...

КАК БАТРАДЗ СОКРУШИЛ ХЫЗОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Женат был Сослан на дочери Солнца,
А алдар, говорят, хызовский алдар,
Захотел похитить жену сосланову.
Для того и коня стал он воспитывать,
Семь лет объезжал, семь лет выкармливал —
Не простым ячменем, только поджаренным.
Воспитал бегуна, ветру соперника.

Вот однажды жена Сослана славного
Зерно на солнце рассыпала, сушила.
Как увидел алдар, на коня садится
И мчится он прямо к дому сосланову.
А Сослана тогда дома не случилось,
На случай такой и дома не было, —
Был Сослан в то время в далеком походе.
И похитил алдар жену-красавицу,
Украл он у нарта Солнцерожденную.

Вот и срок наступил, Сослан возвратился,
А Солнцерожденной дома-то и нет!
Тут не медлит Сослан, идет он к Сатане,
Мудрую Сатану идет он выпрашивать.
А та без утайки правду поведала, —
Что алдар прискакал и жену похитил,

Упрятал бедную за крепким запором,
В замке, в крепости держит пленницею.

Сбежались к Сослану нартские воины,
И грозное войско в поход отправилось.
Окружили крепость, и пошли на приступ,
Да к ней не подступишь, взять ее не могут!
Отступили нарты, говорят меж собой:
— Нет, видать, к алдару пришли на подмогу
Могучие духи — сами зэды и дуаги! —
Оставили крепость, к себе возвратились,
Не слышать у нартов былого веселья...

Замесила Сатана теста на лепешки, —
Три вышло лепешки из теста с медом.
Восходит Сатана на холм молитвенный
И молится богу: — Боже мой, боже,
Если чего-нибудь я в мире достойна,
Смилуйся, боже, выслушай Сатану!
Мой сын нерожденный, Булатногрудый,
Батрадз схоронился с духами на небе.
Будь же ты милостив, пошли к нам Батрадза, —
Обидели нартов обидой неслыханной!

Услыхал Батрадз молитву Сатаны,
И неистовый гнев запылал в Батрадзе,
Тело булатное накалилось докрасна.
Как прыгнет он с неба единым прыжком —
И упал на башню, башню Ахсартакката,
На древнюю башню, башню в семь ярусов.
И прожег он башню, ярус за ярусом,
Вскоре так он достиг яруса нижнего:
А стоял там котел, водой наполненный, —
Прямо в медный котел сразмаху падает,
Остывает Батрадз и тотчас выходит.

Сатану мудрую идет расспрашивать:
— Ты зачем позвала? Что с нами случилось?
— Большого бедствия нельзя и выдумать:
Жену сосланову алдар похитил,
Хызовский алдар украл красавицу, —

Отвечала она Булатногрудому.
Как Батрадз услышал, сразу кликнул он клич,
И явились на клич нартские юноши.

Вот Булатногрудый их ведет за собой,
Он идет на бой к Хызовской крепости.
Подходят к крепости, там и стали, стоят.
А Батрадз и велит нартским воинам:
— Бечевою меня к стреле привяжите,
Со стрелой свяжите, да крепко-накрепко! —

Удивились нарты: что он замышляет?
Но что тут поделывать, все же привязали,
Как приказывал он, так и сделали.
— А теперь вы стрелу на лук наложите,
Тетиву тяните на полный растяг
И пустите стрелу в крепость Хызовскую. —

Как он приказывал, так они сделали.
Распростер он руки и ноги раскинул —
Полетел Батрадз к Хызовской крепости
И вонзился в стену, пробил пробоину.
— Собачье отродье, что же ты думаешь?
Или, ты думаешь, мы силой иссякли,
Постоять не в силах за нартскую честь?
И за жен-красавиц не смеем вступиться? —

Так крикнул Батрадз и схватил алдара.
В схватку он бросился с нартским недругом
(И вашим недругам — такой бы участи!)
Избил он алдара, бил до полусмерти,
Пробил ему череп и плечи вывихнул.
Из плена вызволил Солнцерженную,
Жену-красавицу Сослану возвратил.

ЧАША „УАЦАМОНГА“

Немало у нартов было сокровищ,
Одно сокровище — из лучших лучшее,
Лучшее из лучших — чаша „Уацамонга“.
А была та чаша — чаша непростая:
Если кто о себе правду поведывал,
Про свои подвиги нелживо рассказывал, —
Поднималась чаша собственной силою,
Сама приближалась к устам правдивого.
А неправду скажешь, — с места не стронется!

Вот собрались нарты, сошлись на пиршество.
Чаша „Уацамонга“ пред ними стояла,
Не пустая была, до края полная.
Нарты на пиршестве во всю расхвастались,
Про отвагу свою каждый рассказывал:
Вот один вспомянет про славное дело, —
Пославнее дело другой припомнит;
Третий не утерпит, еще прибавит.
Да только чаша с места не стронется,
Стоит, не сдвинется чаша „Уацамонга“!

Батрадз, сын хамыцов, один не хвастает,
Сидит да слушает, сам помалкивает.
А все рассказали о разных подвигах, —
Тут Батрадз булатный с места поднимается
И прямо подходит к чаше „Уацамонга“.
Постучал по чаше ручкою плети
И сказал Батрадз над самой чашею:

— Был я на охоте, восходил по склону,

Ничего не убил, не видел и дичи,
Не было удачи — неожиданно выпала:
Подстрелил семерых вечерних дауагов!*
Как я правду сказал, как поведал истину, —
Так воистину стань, чаша „Уацамонга“,
К моему отцу, к Хамыцу, на колени! —

Чаша „Уацамонга“ тут поднимается,
Сама собою, собственной силою,
К Хамыцу движется, к отцу батрадзову,
Тихо становится к Хамыцу на колени.

И опять тут Батрадз подходит к чаше
И стучит по чаше ручкою плети:

— Восходил я снова, по склону другому,
Подстрелил семерых утренних дауагов.
Как я правду сказал, как поведал истину, —
Так воистину ты, чаша „Уацамонга“,
Подымись повыше, Хамыцу до пояса!

Чаша „Уацамонга“ тут подвигается,
Поднимается тут Хамыцу по пояс.

В третий раз постучал Батрадз по чаше,
Но Хамыц перервал слово батрадзово:
— Сын мой, рассказывай только, что следует,
Чего не следует, ты не рассказывай! —

А сказал так Хамыц неспроста, не попусту:
Про Владыку Злаков Хамыц поведал,
Что тот притаился в чаше „Уацамонга“,
У самого края в пену запрятался, —
В пузырьке он залег, чтоб нартов подслушать,
Не скажут ли нарты, кто убил его сына.
А Хамыц боялся, за Батрадза страшился, —
Вдруг проговорится Булатногрудый!
Боялся Хамыц, что Владыка Злаков
Злобно за сына оплатит нартам.

Но не внемлет Батрадз слову отцовскому,
Он опять говорит, и громче прежнего:
— Восходил я на гору по третьему склону,
Подстрелил семерых — семеро уастырджей*,

Да еще семерых — семь мыкалгабыров*,
Да убил я сына Владыки Злаков,
Клянусь отцом своим — убил Бурхор-Али!
Как я правду сказал, как поведал истину,
Так воистину ты, чаша „Уацамонга“,
Подымись повыше — к устам хамыцовым! —

Чаша „Уацамонга“ тут подымается,
Вплоть придвигается к устам хамыцовым.

А Владыка Злаков тогда, устранился,
Что проглочен будет заодно с брагою, —
Выпрыгнул из чаши во мгновение ока
И помчался в поле, поле ячменное,
А ячмень в старину не чета был нашему, —
Был стебель ячменный о семи колосьях!
Тут Владыка Злаков за стебли схватился,
Охвачен злобою, колосья задержал,
Задумал колосья все повыдергивать,
Чтобы впредь был ячмень вовсе без колоса.
Только заступился, явился внезапно
Пред Владыкой Злаков Уастырджи Милостивый:
— Ты оставь ячменю хоть колос единый,
Чтоб коня моего было чем поманить! —

И Владыка Злаков оставил по колосу,
Только по колосу на каждом стебле, —
Остальные вырвал, оплатил за сына...

Хамыц, тем временем, пить собирается,
За чашу берется Хамыц стальноусый,
Да смотрит на чашу — чаша закишела:
Ящериц, лягушек да и змей ползучих —
Тучи ползают всякого гада!
Угодить нороят прямо в рот Хамыцу,
Чтоб Хамыц проглотил заодно с брагою.

Догадался тогда Хамыц стальноусый,
Он усы стальные ошестинил на гадов,
Как пугнет он гадов, — те и шмыг на дно!
Тут и выпил брагу Хамыц стальноусый,
Осушил он чашу, чашу „Уацамонга“!

ЖЕНИТЬБА АЦАМАЗА

Жил на Черной Горе алдар престарелый,
Старый Сайнаг-алдар с Агундой красавицей,
Своей наследницей, единственной дочерью.
И была ему дочь усладою сердца.

Косы шелковые у нее до пят,
Очи черные солнце затмевают.
За работу берется с волчьей хваткою,
Пойдет ли по воду — будто лебедь плывет.
Вот идет бывало утром на рассвете,
Тонкой тростинкою стан колышется,
Кувшин серебряный светится месяцем,
Солнцем светится лицо красавицы.

У нартских юношей холеные кони
Травяным тюфяком наземь валяются,
Взмылены, загнаны в джигитовке напрасной:
Агунда-краса и взгляда не кинет,
И глазом не глянет со скалы высокой.
А у нартских старцев подошвы истерлись,
Стоптались подошвы о Гору Черную;
Напрасно ходили сваты почтенные.
Весь ответ: нет да нет! — только и слышали!

Увидел Агунду молодой Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, прельстился красавицей.

На гладких полянах, средь леса черного
Он коз своих черных без присмотра кинул, —
Сам кинулся ладить свирель отцовскую —
Золотую свирель с черной насечкою.

Та свирель у него — отцово наследие,
От отца в наследство одна и досталась.
По смерти уазовой сыновья делились,
Да взялись за дележ — никак не поделятся!
Мужи мудрейшие были тут призваны,
Просидели они на семи советах,
Да со всех советов ни с чем расходились:
Не находят никак решенья правого.
Лишь бедняк Магуйраг* с глазами гнойными
На седьмом совете нашел решение:
Наделить стадами старших сыновей,
А младшего сына — золотой свирелью.
И все своей долей остались довольны.

Вот пошел сын уазов, Ацамаз молодой,
Взошел на вершину, на Гору Черную,
На кремневой круче Ацамаз уселся,
Заиграл Ацамаз на своей свирели.
До слуха Агунды звуки доносятся, —
Слегка приоткрылась пещера Агунды,
И в щелку девушка юношу слушает,
Совсем заслушалась, работу бросила.
А он догадался — сердце почуяло...
И еще тут лучше заиграл Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, на своей свирели.
От игры свирельной весь мир пробудился.

Ледники на горах, снега растаяли,
Растеклись реками, бурными потоками,
Как на зов тревоги, вниз устремились,
Море широкое вышло из берегов.

На Кумской равнине дрофы заплясали,
Серые дрофы, а за ними совахи.

И еще тут лучше заиграл Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, на своей свирели.

На северных склонах медведи проснулись,
Заворчали, очнулись от спячки глубокой.
Не прячутся больше в теплых берлогах,
Топочут неловко, водят хороводы,
Хороводом ходят по черному лесу,
Подымают в лесу, в кленовых зарослях,
Круторогих оленей и стройных ланей.
У болот козули вскачь припустили —
У них ножки тонки, скачки высоки!
Все звери лесные, все дети Афсати*
Стадами сбежались, стеклись табунами,
Собрались толпою у Черной Горы
На звуки свирели, на песнь ацамазову.

И еще тут лучше заиграл Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, на своей свирели.

Вот и снежный покров деревья скинули,
Склоны оголились, обнажились поляны,
Лежат, красуются зеленою шелковой.
Запестрели цветы на обширных равнинах,
Вкривь и вкось, во всю ширь стада забродили,
Фалваровы дети* заселили луга.

Над цветами в лугах мотыльки замелькали,
Засновали пчелки, и жужжат, и кружат —
Жадные пчелки, пчелки голодные.

Запорхали птицы прекраснопереые,
Полнится черный лес птичьими песнями,
Подпевают птицы игре свирельной.

И греет солнце веселую землю,
Весеннее солнце весь мир согревает.
Все ветру навстречу так и потянулись,
Шире задышали, во всю грудь широкую!

И еще тут лучше заиграл Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, на своей свирели.
Цепью протянулось за облаком облако,
Обливают землю слезами теплыми;
Над черным лесом гроза собирается,
Встряхнулись травинки весело навстречу.

Тут уж лучше всего заиграл Ацамаз,
Ацамаз, уазов сын, на своей свирели.

Со своей скалы Агунда слушает,
Совсем заслушалась, а после сказала:
— О, милый юноша, будь своей матери
Утехой, радостью на долгие годы, —
А мне-то радость одна лишь по-сердцу —
Свирель золотая с черной насечкою! —

Не таких речей ожидал Ацамаз
За свою игру, песню свирельную.
И в жестоком гневе, в досаде горькой
Он о горный выступ свирель разбивает, —
Разлетелась свирель мелкими осколками...
Опустил он плечи, повесил голову,
С горы невесело домой он поплелся.

Агунда гордая, наследница Сайнага,
Тогда спускается со скалы высокой,
Собирает осколки золотой свирели
И приносит отцу, алдару старому.
Как ударил алдар плетью войлочной,
Хлестнул по осколкам, — те и срастились.
И Агунда-краса свирель завернула,
Золотую свирель в красный шелк закутала,
Глубоко спрятала в сундук свой девичий.

Праведный Уасгерги и добрый Никкола*
На конях верхами вместе ехали.
Были не простые под ними кони,
А были те кони породы афсургов,
Вращены в табунах Владыки Воинов,
А ковал подковы Курдалагон-кузнец, —
Сразу распознаешь, как ступят копыта:
Из-под конских копыт искры сыплются,
Словно высекается огонь из огнива.

Огляделись вокруг светлые всадники, —
Слева увидели вершину Бештау,
Вершину Кареу справа разглядели,
Тут-то заметили и сына уазова.

— Добрый путь тебе, Ацамаз молодой!
Ты куда идешь, что спотыкаешься?
Что плечи понурил, повесил голову?
Где ты оставил свирель золотую?
— Слава вам, владыки, зэды* пресветлые!
Как плеч не понурить, головы не повесить, —
Да посмеет ли нарт к Агунде свататься?
Вот были бы дуаги в свадебном поезде
С пресветлым Никколой за предводителя,
Да был бы ты сам, светлый наш Уасгерги,
На свадьбе моей за дружку первого, —
Тут бы я перестал на ходу спотыкаться,
Не ходил бы тогда понунив плечи,
Повесив голову тогда не ходил бы.

Отвечают ему владыки светлые:

— Что ж, иди, собирай свой свадебный поезд,
Вместе с вами и мы тогда отправимся! —

Вот свадебный поезд к горе приблизился,
Прямо к Черной Горе, к скале алдаровой.
У самой дороги спешили всадники,
Под грушей тенистой бурки побросали,
Белые бурки на траве зеленой.

Никкола с Уасгерги, самые главные,
Приезжают во двор к алдару старому,
Посредине двора владыки спешились.
Спешат к ним навстречу алдаровы отроки,
Проворно отроки коней принимают.
Тут выходит к гостям алдар бородатый.
Брови у алдара хмуро насуплены,
Борода — седая, вся шелку белого,
А станом он тонок, и в плечах он широк.
На плечах — бешмет из шерсти верблюжьей,
А в левой руке — батог серебряный,
— Добро пожаловать, гости дорогие!
— Доброй да будет, алдар, твоя старость! —
Гостей приглашает алдар в гостевую,
Сажает на лавку из кости слоновой,

Уселись владыки в углу почетном,
Зачем приехали, сказали алдару.
— Пребудь благосклонным к посланцам Ацамаза.
Посланцу посланье — как на плечи бремя:
Покуда не сбросишь, не будет покоя!
Не найти попрека для сына узова, —
Отец Ацамаза был муж прославленный,
Да сам он, к тому же, — лучший из юношей;
Рожден был юноша под счастливой звездой,
Он для друзей своих брата добрее,
А свирельной игрой в сердца проникает.
Вникни в наше слово, Сайнаг престарелый, —
Наше не напрасным да будет посольство!
— Славные посланцы, гости дорогие, —
Так алдар говорил пресветлым владыкам; —
Вот так день для меня — как во мраке светоч!
Поступайте же так, как вам, гости, угодно, —
Как могу перечить премудрому слову?
Только посмотрите, владыки светлые,
На дряхлого старца, отца несчастного, —
Подточили годы силу могучую,
Чую, наступает зима моей жизни,
Затвердели кости, и мутится разум.
Я к темной могиле все ближе подступаю,
Неотступно печаль мне сердце туманит,
Лишь солнышком светит дочь единственная,
Моя наследница, Агунда-красавица.
А я-то знаю сердечко дочери:
Не покинет она отца престарелого!
Да и замуж итти Агунде рановато... —
Ну, что тут ответишь на слово Сайнага,
Промолчали, пошли светлые гости —
Рассказать жениху о своем посольстве.
Чуть посланцы за дверь, — дочь уже тут как тут!
И пытаться принялась алдара старого,
Что алдар отвечал сватам Ацамаза.
А узнала ответ, так и вспыхнула.

Брови длинные она нахмурила,
Рукою тонкою двери распахнула,
За Агундой двери так и хлопнули!
Вот и понял тогда Сайнаг престарелый,
Разгадал, наконец, сердечко дочери.
Сердитой дочери не смеет перечить,
Усмехнулся Сайнаг и сказал Агунде:
— По всему видать, моя своевольница,
Полюбились тебе песни свирельные,
Свирель полюбилась с черной насечкою,
А пуще — свирельщик тебе полюбился,
По сердцу пришелся уазов сын, Ацамаз.
Знать, не зря в сундуке обломки припрятаны,
Обломки свирели в сундуке девичьем! —

Опять приезжают посланцы светлые, —
Сватов приветливо отец принимает:
— Пресветлым посланцам ни в чем не откажешь!
Ну, что же, согласен, выдам в замужество,
Отдам Ацамазу дочь единственную. —

Приглашает к себе пресветлых зэдов, —
Тут и пир задает алдар престарелый.
Он и нартов просит, всем свадебным поездом, —
Сбираются нарты к алдару в гости.
(Прогостили нарты ровно неделю,
Неделю сидели на пиру веселом!)

Столы точеные на ножках серебряных
Приносят отроки, ставят перед зэдами;
Для нартов приносят столы предлинные.
И длиной те столы — как полет стрелы;
Из конца в конец еле и дострелишь!
А хозяин весел, проворны отроки.
Приносят отроки три медовых лепешки
И шашлык шипящий, на вертел насаженный,
Сосуды приносят с ронгом пенистым.

Сотворил молитву Татартупп* седоглавый,
Велит Ацамазу куваггага вкусить.
Изобильней воды ронг разливается,

Турьими рогами, не чашами пьется.
Под тяжестью мяса столы сгибаются,
Много угощенья — досыта, допьяна.
Недостало только самого главного:
Не звучат на пиру песни веселые;
А сердце сытого песни требует!
— Что ж ты, новый мой зять, не играешь песен
На своей свирели с черной насечкою?
Не той ли свирелью ты Агунду прельстил,
Песней подластился к сердцу гордому?
Раздобыл ты жену игрой свирельною,
А теперь свирели и знать не хочешь! —

Ацамаз алдару сказал потупившись:
— Давно мое сердце от игры отвернулось,
А свирель я разбил о выступ скалистый,
В осколки мелкие свирель разлетелась.

Только молвил так уазов сын, Ацамаз,
А уже Агунда и свирель выносит, —
Свирель золотая в алый шелк завернута.
Заиграл Ацамаз песни веселые,
И веселы сидят гости славные.
Славно, досыта напились, наелись, —
Пора наступает и в пляс пуститься.
На носках понеслись по круглому столу,
Вокруг чаши большой заплясали нарты.
А другая пляска во дворе ведется,
На траве, меж дерев — симд величавый.

Так и проплясали целую неделю.
Вот неделя прошла — пора собираться.
Повезли Агунду дружки свадебные.
В колесницу впрягли оленей рогатых,
Семеро оленей, подарок Афсати, —
А оглобли у них — все серебряные.
Везли приданое на семи колесницах,
Были в семь колесниц зубры впряжены.

Взошла вереница на гору Черную,
По горному гребню движется медленно.

За дружку старшего — праведный Уасгерги,
За дружку второго — Урузмаг почтенный,
Впереди же всех — пресветлый Никкола,
Сам ээд Равнины — у них знаменосцем,
Носится, красуется на коне Елиа:
Плеткою ударит — гром загрохочет,
Чуть копьём просверкнет — заблещет молния;
Роет овраги копыто конское,
А пена конская метелью стелется,
Снежной метелью вьется за всадником.

Привозят Агунду к селенью нартскому,
В сердечном весельи привозят дочь Сайнага.
И к ногам Сатаны она склоняется,
С фарном* склоняется пред мудрейшей из жен.
Снова тут началось веселье нартское.

С той поры и пошел обряд стародавний,
Старинный обычай — „недельное дерево“.

С Л О В А Р Ь

Алагата — один из трех родов нартов (Бората, Ахсартакката Алагата).

Алдар — господин, феодал, помещик, землевладелец.

Амоня — чудесная чаша, из которой пили на пиршествах; обладала тем свойством, что содержимое ее никогда не иссякало.

Арфан — легендарный конь Урузмага.

Афсати — святитель, покровитель охотников и благородных диких зверей.

Ахсартакката — см. Алагата.

Барастыр — по осетинской мифологии — владыка страны мертвых.

Батрадз — один из главных героев нартского эпоса.

Бората — см. Алагата.

Быценом — женщина из рода Быцента, жена Хамыца.

Дауаг, дуаг, дауджита — духи — покровители зверей, скота, лесов, вод и т. д.

Донбеттыр — по осетинской мифологии — владыка морей и вод.

Двуар — святитель; также — капище.

Елиа — святой, повелитель грома (Илья пророк).

Зилахар — большая площадь, на которой происходили состязания в беге, метании стрел, рубке мечом, скачке и танцах.

Звад — небожитель, сравни с ангелом христианской мифологии.

Кадви — по осетинской мифологии — злые духи, обитавшие в неприступных местах.

Кардвын — хлеб, ячменный, просяной, кукурузный; вообще печеный хлеб.

Куваци — часть жертвенных приношений (пирог, шашлык, пиво и пр.), которую давали отведать кому-нибудь из младших после молитвословия, совершаемого старшими.

Кувд — пиршество, сопровождаемое молитвословиями.

Курдалагон — святой (ср. Гефест), небесный кузнец, искуснейший мастер, изготовлявший оружие, закалявший в своем горне нартов.

Мауыраг — собственное имя (мужское), дословно — бедняк.

Мыкалабыр — божество изобилия; также — название святилища дзуара (капища) в Алагирском ущельи.

Никола — святой (Николай-чудотворец).

Нихас, ныхас — место сходок, собраний и времяпровождения в селе.

Рони — напиток, пенистый, обладавший большой крепостью.

Сатана — жена нарта Урузмага, отличавшаяся мудростью и высокими достоинствами, как хозяйка.

Симд — распространенный среди осетин массовый танец.

Сослан — один из главных героев нартского эпоса.

Сухское побоище — синоним ожесточенной битвы с полным истреблением противника.

Сырдон — один из главных героев нартского эпоса.

Татартупп — святой; посвященное ему капище находится близ сел. Эльхотово.

Уаии — великаны в осетинской мифологии, кривые, одноглазые (ср. циклопы), населявшие землю до появления нартов. Нарты вели с уаигами непримиримую борьбу и всегда оказывались победителями.

Уастырджи, уастери — святой, покровитель мужчин-путников.

Уацамонг — смотрит амонга.

Урузмаг, Уырызмаг — один из главных героев нартского эпоса.

Фалвара — святой, покровитель мелкого рогатого скота.

Фандыр — осетинский музыкальный инструмент, род двенадцатиструнной лиры.

Фарн — мир, благодать.

Хамыц — один из главных героев нартского эпоса.

Харнаг — пиршество.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>К. Кулов.</i> Предисловие	3
<i>Валентина Дымник.</i> Нартский эпос и заветы богатырства	6
Урузмаг и кривой уаиг.	13
Последний поход Урузмага	18
Как нарт Батрадз закалил себя	33
Батрадз и уаиг Пестрая Борода.	36
Батрадз и Тыхы-Фырт	39
Батрадз и сын кривого уаига.	47
Батрадз и кривой уаиг	56
Как Батрадз спас именитых нартов	60
Как Батрадз сокрушил Хызовскую крепость	63
Чаша „Уацамонга“	66
Женитьба Адамаза	69
Словарь	78

Редакторы А. Адалис и А. Деев.

Подписано в печать 8/VII 1944 г. А 2889 Тираж 10000 экз.
 Б печатных л. 3,87 учетно-авторских л. Заявка М 1433 Цена 4 р.

6-я типография треста „Полиграфичгиз“ при СНК РСФСР
 Москва 1-я Сямоевский, 17.

4 p.

ОГИЗ • ГОСЛИТИЗДАТ • 1944